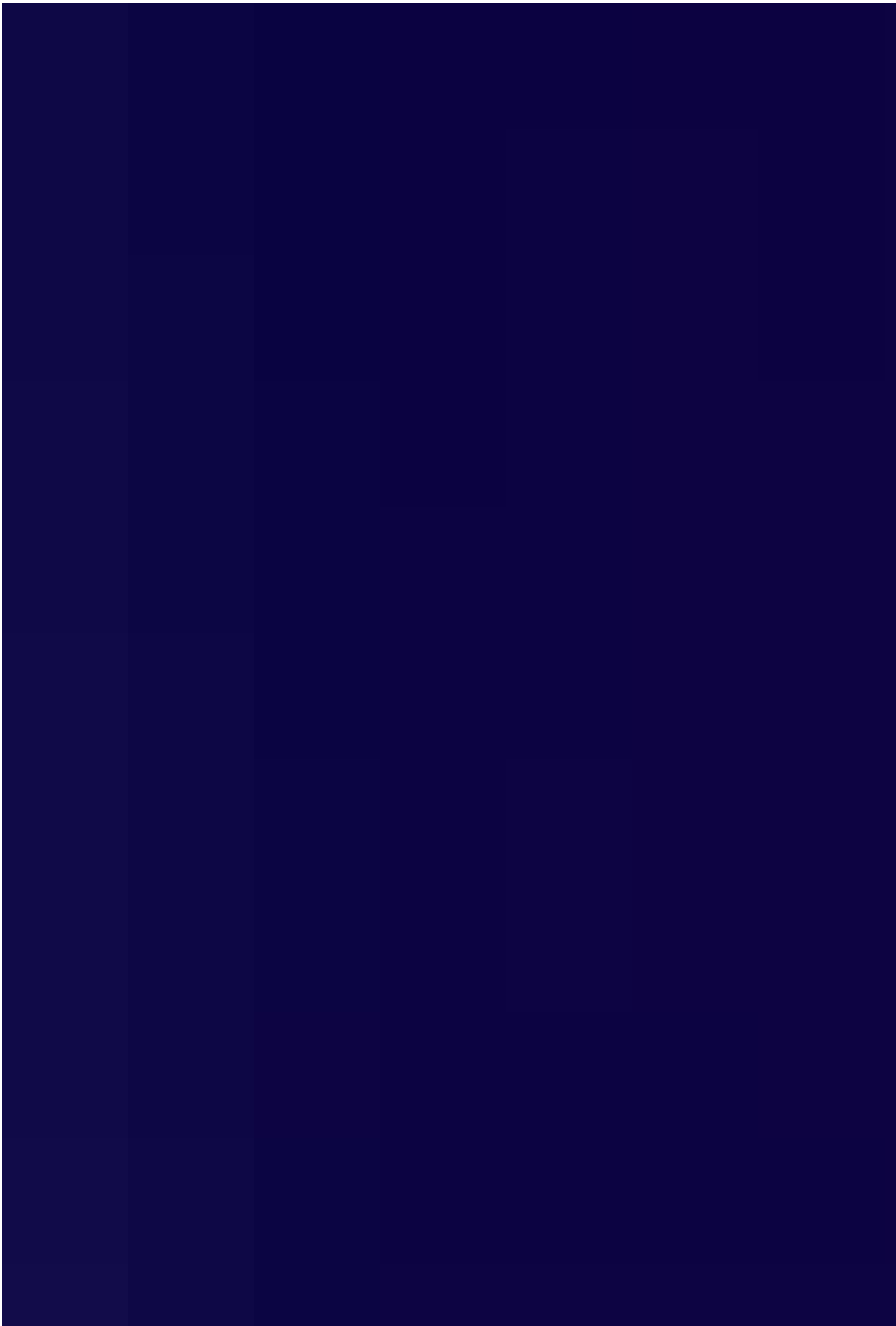

**Андрей Марченко
Владимир Венгловский
Сергей Станиславович Беляков
Дмитрий Градинар
Юлиана Лебединская
Карина Сарсенова
Дмитрий Богуцкий
Ольга Шатохина
Алекс Бор
Тимур Алиев
Сергей Чебаненко
Алиса Белова
Жаклин де Гё
Тим Скоренко
Майк Гелприн
Алекс Громов
Глеб Гусаков**

Милитариум. Мир на грани (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11277868
Милитариум. Мир на грани: Снежный Ком; Москва; 2014
ISBN 978-5-904919-98-6*

Аннотация

Рождение нового мира всегда начинается с разгрома прежнего. Век назад Европа стояла на грани войны, и хватило нескольких выстрелов, чтобы черта была пройдена. Невиданное оружие и средства массового запугивания положили конец рыцарству и империям. Бесчисленные армии сражались за Париж и Иерусалим. Одним из последних сражений стала Армагеддонская битва, развернувшаяся в окрестностях горы Мегиддо, — именно там, где, согласно Библии, надлежит произойти битва конца времен.

В антологии представлено множество вариантов того, какой могла быть и какой была тогдашняя реальность под тонкой коркой повседневности.

Содержание

Огонь бытия	5
Алекс Громов, Ольга Шатохина	5
Тимур Алиев	39
Майк Гелприн	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Милитариум. Мир на грани (сборник)

© «Снежный Ком» 2014

* * *

Огонь бытия

Алекс Громов, Ольга Шатохина **Плечом к плечу** **Повесть**

Всё, кроме четырех судеб, взято из нашей реальности

*...За свет, за мир мы боремся,
Они – за «Царство тьмы».*

*Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой.
С германской силой темною,
С тевтонской ордой!*

*Гнилой германской нечисти
Загоним пулю в лоб.
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!*

*Апокрифическая версия песни «Священная война».
По некоторым данным, этот текст был написан в 1916 г.
учителем словесности из Рыбинска Александром Адольфовичем
Бодее*

Окружающий мир медленно, но неизбежно двигался к своему совершенству, радуя предстоящих потомков как цифрами промышленного роста, так и изобилием товаров и фотогеничностью владык обитателей Российской, Британской и Германской империй. Тех самых властителей – родственников друг другу, наслушавшихся не тех советчиков или просто боявшихся прослыть слабаками, а может, уверенных в том, что на коммунальной мировой кухне не обойтись без небольшого скандала, чьи итоги будут очевидны, пока еще не опадут свежие листья с деревьев...

Еще на складах громоздились только что изготовленные пушки, спешно строились дредноуты, изобретатели обивали пороги военных министерств, предлагая к производству чудо-огнеметы, супермины и баллоны с ядовитейшими газами, а безымянные герои сурового Грядущего уже значились в мобилизационных списках...

Слепок времени № 1. Санкт-петербургская жизнь до августа 1914 года

21 февраля 1914 года на заседании Госсовета был рассмотрен новый законопроект по борьбе с пьянством, согласно которому за подпольную торговлю алкоголем, нарушающую государственную монополию, полагалось шестнадцать месяцев тюрьмы. Кроме того, предусматривались и штрафы в размере от десяти до пятидесяти рублей за «неохранение пьяного», поскольку, как говорилось в тексте, «кто споил пьяного, тот пусть и охраняет».

27 февраля, на второй день работы съезда русской группы Международного союза криминалистов обсуждалась проблема хулиганства. Выступивший приват-доцент Павел Исаакович Люблинский заявил, что слово «хулиган» – американское, название дикого племени в Северной Америке, с которым боролись англичане. Затем на съезде начались обсуждения, как же бороться с этим явлением – действовать убеждением или усилить репрессии? В ходе дискуссий пришли к выводу, что «хулиганы – моральные нигилисты». Заодно и выяснили, что хулиганов больше всего в Москве, и немало – в Санкт-Петербурге.

5 марта состоялась встреча министра иностранных дел России С. Д. Сазонова с послом Германии Ф. Пурталесом, во время которой от него было потребовано объяснений по поводу публикации три дня назад в германской проправительственной газете «Кёлнише цайтунг» статьи «Россия и Германия». В ней говорилось о возможной угрозе российского нападения в 1917 году: «Политическая оценка Россией своей военной мощи будет иной через три или четыре года. Восстановление ее финансов, увеличение кредита со стороны Франции, которая всегда готова предоставить деньги на антинемецкие военные цели, поставили Россию на путь, конца которого она достигнет осенью 1917 года».

В конце марта коммерческий суд столицы объявил несостоятельным должником Федора Григорьевича Круглова, владельца колбасной мастерской, добавлявшего в колбасу краску для придания ей более привлекательного цвета.

9 апреля в Институте путей сообщения прошел товарищеский суд над двумя студентами, написавшими в блокнот товарища несколько непристойных выражений. Сквернословам объявлен выговор.

На следующий день петербургская охранка отправила в Департамент полиции донесение, посвященное «оккультическим бдениям в доме Константина Арсеньева», происходившим в Царском Селе на Московской улице в доме Сутугина. Константину Константиновичу Арсеньеву, академику, редактору журнала «Вестник Европы», отставному статскому советнику, было семьдесят три года. На беседы «мистического характера» у него ежедневно собиралось до тридцати человек, в том числе графиня Софья Сергеевна Игнатова, княгиня Вера Федоровна Гагарина...

16 апреля в газете «Петербургский листок» была опубликована статья «Торговля живым товаром в Петербурге». В ней говорилось, что З. Алексеева и М. Качалова, занимающиеся совершением несовершеннолетних, на улицах подходили к ученицам мастерских, угощали конфетами и призывали бросить ученье и начать веселую жизнь.

28 июня на поле «Невского общества подвижных игр», располагавшемся на Малой Болотной, петербургская британская колония устроила спортивный праздник для моряков английской эскадры, прибывшей в Санкт-Петербург с дружеским визитом. В программе были бег на сто метров, бег парами со связанными ногами, бег в мешках и прочая экзотика – на потеху публике. Российским морякам из Второго Балтийского экипажа, приглашенным в качестве почетных гостей, предложили поучаствовать в перетягивании каната. Отечественные матросы не подкачали и дважды перетянули команду крейсера «Королева Мэри». В качестве призов победители соревнований получили серебряные портсигары и подсвечники, а также деревянные шкатулки в традиционном русском стиле.

Милая Франция. Клермон-Ферран

Ферма «Серебряная Терраса», расположенная неподалеку от столицы департамента Овернь, на склоне древнего вулкана, славилась живописностью и отменными сырами канталь, салер и фурум-д'амбер. И не только ими – путешественники иной раз делали изрядный крюк, чтобы отведать фаршированный рубец, ветчину с бобами и, конечно, печеный картофель алиго, запивая всё это стаканчиком доброго вина. А чего стоит касуле с белой фасолью,

гусятиной и душистыми травами из большого котла, что день и ночь мерно побулькивает на очаге!

Кухней и харчевней ведала хозяйка, мадам Лугару с дочерьми и невесткой, женой старшего сына. Мужчины семейства трудились на винограднике, на полях, на скотном дворе. Кстати, хозяйственные постройки, равно как и главный дом, были добротные, старинные, помнившие не то что императора Наполеона, но и Людовика XV. Дата постройки – 1765 – была выбита над воротами, и, узрев ее, почти каждый гость вспоминал об экспедиции королевских охотников во главе с лейтенантом де Ботерном против легендарного зверя-людоеда, бесчинствовавшего в этих краях. И потому не отказывал себе в удовольствии спросить:

– А сейчас тут волки на людей нападают?

– Когда как, – уклончиво отвечали хозяева фермы.

– И вам не страшно?

– Да чего нам бояться, с нашей-то фамилией! Любой оборотень за своих примет!¹

Примерно так и отвечал средний сын фермера Арман-Эжен парижскому промышленнику, путешествовавшему по Оверни и Лангедоку с чадами и домочадцами аж на трех автомобилях. Причиной, побудившей их завернуть на «Серебряную Террасу», была не только слава о кулинарном мастерстве мадам Лугару, но и необходимость починить разболтавшиеся за время пути машины.

Парижане проследовали в обеденный зал, который хоть и сохранял атрибуты старинной харчевни – тяжелую мебель, гравюры «под старину» и расписные тарелки на стенах, – но был уже перестроен так, чтобы гости не страдали от тесноты и могли наслаждаться видами окрестностей за панорамными окнами. Арман, исполнявший на ферме обязанности механика, занялся автомобилями.

Вся округа знала – этот молодой человек с детства испытывал интерес к железу и двигателям, а окончив курсы при заводе в Клермон-Ферране, он стал признанным в округе мастером. Иной раз соседи даже судачили – вот уехать бы парню в Париж и выучиться там на настоящего инженера. Но, с другой стороны, покинуть родной край насовсем, жить в большом городе... Нет, качали головами виноделы и пастухи, это здесь, среди потухших вулканов и зеленых долин столичные гости умиляются окситанскому говору, а дома на обладателя такой речи они будут смотреть, как на жалкую деревенщину...

Хотя, быть может, и стоило попробовать, возражали другие соседи. И у них были свои резоны. Ведь Франция переживала невероятный автомобильный взлет. Уже закрылась в Париже последняя линия конного омнибуса, и шестьсот автозаводов от Peugeot и Renault до Berliet и даже Delaunay-Belleville, поставщиков русского императорского двора, наперебой предлагали почтеннейшей публике множество самоходных экипажей. Во всем мире большинство автомобилей были французского производства. Так что у хорошего механика была возможность основательно продвинуться, несмотря на окситанский акцент².

Работу Арман закончил быстро и заверил почтенных гостей, еще наслаждавшихся десертом, что с машинами теперь всё в порядке. Вдали, на дороге, ведущей из города, показалась движущаяся точка. Очень скоро Арман разглядел верхового, а потом и узнал его – это был младший брат Валери, отправившийся утром за мелкими покупками. Но сейчас он спешил так, будто вез не горсть пуговиц, дюжину вилок и пару секаторов, а как минимум, донесение лейтенанта де Ботерна королю об успешном завершении охоты.

– Арман! – еще издали закричал Валери. – Война!

Подскакав и спешившись, подросток добавил взволнованно:

¹ Loup-garou (*фр.*) – волк-оборотень.

² Окситанский язык, или лангедок (*langue d'oc, lenga d'òc*) – характерный для южной части Франции язык, родственный каталанскому.

– Боши объявили нам войну! Мне мсье Люка сказал, а он сам видел телеграмму в мэрии!

Валери действительно был еще очень молод... Даже Наполеона не застал.

Слепок времени № 2. Мир и война 1914 года

Попытки заранее ограничить процесс очередного раздела мира рамками, не превосходящими пределов культурного кровопролития, конечно, были. Так, 12 августа 1898 года министр иностранных дел России граф Михаил Муравьев адресовал, как говорится, граду и миру, дипломатическую ноту следующего содержания: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Всё возрастающее бремя финансовых тягостей расшатывает общественное благосостояние. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи».

Увы, та самая Гаагская конференция хоть и состоялась, но не особо помогла. Пользу сумели извлечь только британцы, получившие впоследствии компенсацию в шестьдесят пять тысяч фунтов за обстрел рыболовной флотилии и потопление одного суденышка – Вторая Тихоокеанская эскадра вице-адмирала Рожественского, едва начав путь навстречу грядущей Цусиме, наткнулась на рыболовов. Кто-то принял их за японские миноносцы, неведомо как попавшие в Немецкое море, и скомандовал огонь на поражение. Тогда же, кстати, несколько снарядов с броненосца «Князь Суворов» прилетело совсем не по назначению, чуть не потопив пока еще ничем не примечательный крейсер «Аврора».

«Сильная Германия желает, чтобы ее оставили в покое и дали развиваться в мире, для чего она должна иметь сильную армию, поскольку никто не отважится напасть на того, кто имеет меч в ножнах... Все государства, за исключением Франции, нуждаются в нас и, насколько это возможно, будут воздерживаться от создания коалиций против нас в результате соперничества друг с другом», – говорил старый мудрый Бисмарк, считавший войну, тем паче против России, довольно-таки скверным способом улучшить свою жизнь. Но к 1914 году «железный канцлер», увы, почил в относительном мире, а его нерадивый ученик кайзер Вильгельм II так и не исцелился – ни от обид на категоричный тон, которым Бисмарк наставлял его в искусстве править Германией, ни от острого желания поступать наоборот.

Кайзер желал, чтобы германская столица была признана «самым прекрасным городом в мире». Хотя Берлин начала XX века и так являлся одним из центров прогресса. Уже к концу XIX века здесь было десять вокзалов. С 1905 года по всему городу ходили автобусы, образуя единую систему общественного транспорта. В 1913 году автомобильное движение достигло такой интенсивности, что пришлось расставить на улицах регулировщиков. У кайзера имелся собственный автомобиль «Даймлер» с клаксоном, исполнявшим мелодию из оперы Вагнера «Золото Рейна».

Знаменитый дирижабль графа Цеппелина висел над городом и был виден отовсюду – ночью его освещали мощные прожектора. На боках воздушного корабля красовались рекламные баннеры. Siemensstadt, завод и штаб-квартира электрической компании, занимал обширный квартал целиком. В 1913 году здесь трудилось семь тысяч человек, в том числе три тысячи в электромоторном цехе и столько же – в цехе электрокабелей.

Многие германские граждане, как столичные, так и приезжие, находились в состоянии, близком к экстазу, наблюдая за берлинским почти совершенством. Оркестры в кофейнях бесконечно исполняли патриотические мелодии.

Предвоенный мир был прекрасен, богат и полон скрытых противоречий. И вот, наконец, летом 1914 года рванула «пороховая бочка Европы» – произошли печальные события на Балканах. В этом регионе противоречия Тройственного союза и Антанты, двух враждующих европейских блоков, проявлялись особенно остро. Возлагать надежды если не на полное примирение, то хотя бы на самый худой мир не приходилось после того, как несовершеннолетний туберкулезник Принцип, студент и идейный террорист, застрелил наследника престола Австро-Венгерской империи. Который, кстати, был одним из самых упорных противников назревающей войны. Хотя тогда почти все были одновременно ее противниками, по крайней мере, на словах, а на деле люто жаждали кто реванша, кто новых побед, кто новых территорий.

И началось...

Немецкая актриса Тилла Дюрье, искренне радуясь, писала в эти дни: «У нас война! Еда стынет, пиво становится теплым, но нам до этого нет никакого дела. У нас война!» Ассоциация немецких евреев объявила, что каждый немецкий еврей «готов пожертвовать на нужды войны всю свою собственность и даже кровь».

25 июля Германия начала скрытую мобилизацию без официального объявления.

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну.

29 июля Николай II отправил Вильгельму II телеграмму с предложением «передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию». Ответа не последовало.

1 августа Германия объявила войну России, а 3 августа – Франции. Мир, стоявший на грани, перешагнул ее. Мечты о грядущем возвращении Золотого века снова оказались несбыточными. А в Железном веке человечество ожидало множество пренеприятных сюрпризов...

В императорском пригороде

За много лье от маленького Клермон-Феррана в огромном Санкт-Петербурге жизнь пока еще тоже шла своим чередом. Василий привычно приступил к повседневному труду ни свет ни заря. Как то было заведено на Охте с тех самых пор, как государь Петр Алексеевич основал на невских берегах свою новую столицу. Тогда помимо служивого люда, артельщиков-строителей, корабельных мастеров потянулись сюда и те, кто обеспечивал всю эту ораву пропитанием, – огородники, рыбаки, молочницы. Вот молочницы на Охте и жили. Их мужья и сыновья были пастухами, столярами, позолотчиками, а женщины из поколения в поколение ранним утром спешили к переправе через Неву с кувшинами парного молока. Даже сам Пушкин их собирательный образ увековечил. Охта весь город молоком поила. Одна из городских легенд даже утверждала, что лично Петр Великий повелел доставить на Охту породистых молочных коров, голландских и холмогорских.

Теперь времена уже не те. Подступают городские кварталы, фабричные корпуса. Молочный промысел на Охте приходит в упадок. Но семейство, к которому принадлежал Василий, еще держалось за старинное занятие. Наконец молочницы – сама хозяйка, а также бабушка с подрастающей внучкой – устремились с бидончиками на ближайшие дачи, летом там продать молоко было проще, чем в городе. А Василий, проводив коров в стадо, отправился подремать прямо в хлеву, закопавшись в солому.

Пробудился он от громкого гомона за оградой. Голоса были неразборчивы, только один из них Василий сразу распознал – выклики мужичка, обычно торговавшего лубочными картинками возле Смольного собора. На тех картинках красовался Денис Давыдов, умелым

наскоком поражающий французские тылы, Кутузов на совете в Филях, сам Благословенный государь Александр I, въезжающий на белом коне в Париж, и прочие герои и знаменательные события славной Отечественной войны.

На Охту торговец лубками заходил нечасто, обычно ближе к зиме, когда его изделия охотно покупали на подарки, а иногда и вешали на рождественские елочки рядом с пышными бумажными цветами. Продажа таких елочек была еще одним сезонным промыслом охтенков. Сейчас же мужик с лубками бодро кричал, предлагая свой товар, почти над ухом у Василия. И ведь, судя по отзвукам, картинки пользовались спросом в собравшейся толпе.

А толпа-то почему собралась? Вылезать Василий не спешил, но стал напряженно прислушиваться, а потом и приник к щели, желая рассмотреть происходящее. Жители окрестных домов окружали торговца плотным кольцом, а он говорил про германцев, про то, что сам видел, как строятся в походный порядок расквартированные в Питере полки. И про то, что в городе уже повсюду слышно – началась война.

– Так что, почтенные, не миновать большой баталии теперь!

– А чего ж, дяденька, побьем мы германца?

– Побьем, как не побить! Покупаем лубки, яркие, правдивые, о славе оружия русского и чудесах великих!

Василий уже не раз слышал слово «война», поэтому не взволновался. Благо лубочник и окружившее его общество тоже особого беспокойства не проявляли. Пока что.

Слепок времени № 3. Первое шествие, первая кровь...

Одну из самых объективных картин мира дает перелистывание слегка несвежих газет. Новости и пропаганда в них уже отстоялись, виден процесс формирования метаморфоз. Утратив сиюминутную актуальность, передовицы сохраняют былую пафосную тенденцию демонстрации своей абсолютной правоты и ничтожности недругов.

2 августа 1914 года в Зимнем дворце Николай II подписал высочайший манифест, коим объявлялась война Германии. Затем царь произнес речь перед генералами и офицерами гвардии и армии и городскими дамами, имевшими право приезда ко двору: «Со спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка Русь известие об объявлении войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца...»

Войны по традиции начинаются с оглашения официальных документов с патриотическими лозунгами, а спустя несколько часов вроде как само по себе вспыхивает пламя народного гнева. Через два дня в Санкт-Петербурге уже бушевали антинемецкие погромы. Толпа ворвалась в здание германского посольства на углу Морской улицы и Исаакиевской площади, сбросила «безобразные статуи голых германцев», сорвала флаг, а герб вместе с одной из скульптур был немедленно утоплен в Мойке. Мебель, картины и простыни повыбрасывали из окон во двор, где тут же принялись жечь...

Обнаруженный на чердаке посольства его служащий российского происхождения шестидесятилетний Альфред Маврикеевич Кетнер был убит «в патриотическом порыве». Может, именно он и стал одной из первых жертв Великой войны. Полиция, с трудом водворившая «разбушевавшихся патриотов» из разграбленного здания, задержала сто одного человека. Среди них были рабочие, подмастерья, официанты и люди без профессий.

5 августа в ходе очередной демонстрации было выдвинуто требование объявить «бойкот всему немецкому». Демонстранты разгромили находившуюся на Невском проспекте редакцию газеты «Petersburger Zeitung» и кафе на углу Невского и Садовой улицы, принадлежащее германскому подданному Рейтеру. Из города начали выселять подданных германской и австрийской империй...

Через день в газете «Ведомости Петроградского градоначальства» появился следующий текст:

ОБЪЯВЛЕНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА

«13 июля обязательным постановлением воспрещены в столице всякие демонстрации и манифестации; однако проходившие в городе грандиозные патриотические шествия были допускаемы ввиду совершенно мирного их характера и высокой цели, а между тем в последние дни эти манифестации были омрачены появлением насилия, выразившегося в срывании вывесок, битье стекол и т. д. некоторых предприятий и завершившегося разгромом бывшего германского посольства. Ввиду этого считаю себя вынужденным напомнить населению столицы об указанном обязательном постановлении воспретить всякие шествия по улицам города. Обращаюсь ко всем жителям города с просьбой не допускать проявления каких-либо враждебных действий по отношению к иностранным подданным...»

Уже в середине августа в петербургских газетах появилась новая рубрика – «Германские зверства», которую писали тысячи вернувшихся с курортов через Швецию российских подданных.

15 августа российские войска вступили в Восточную Пруссию. В этот же день согласно секретной телеграмме петербургского градоначальника было приказано «немедленно освободить всех задержанных за бесчинство и озорство в отношении здания Германского посольства».

До Москвы волна погромов докатится чуть позже. Дмитрий Rogozin впоследствии напишет в романе «Барон Желток»: «Он неспешно раскрыл плотно забитый бумагами портфель и достал оттуда дело с пометкой: «Спешное. Секретно». Оно касалось обстоятельств тех самых кровавых немецких погромов 26–29 марта 1915 года, в которых ему поручено тщательно и объективно разобраться, «желательно без нагнетания», как того пожелал государь. Полным ходом шла война с Германией и Австро-Венгрией, русская армия несла страшные потери на западных границах Империи, но Москва после беспорядков выглядела так, будто кайзеровская авиация сбросила на нее тысячу зажигательных бомб. Поиски «немецких шпионов» среди фабрикантов из числа эльзасских немцев вывели на улицы Замоскворечья, в Лефортово, на Лубянку, Мясницкую и даже на Красную площадь десятки тысяч погромщиков и мародеров. Волнения охватили даже ближайшее Подмосковье – деревни Свиблово, Ростокино, Всехсвятское. Согласно отчету сенатской комиссии, в ходе погромов пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов, 113 германских и австрийских подданных и 489 русских подданных (с иностранными или похожими на иностранные фамилиями). Ущерб был нанесен многим российским, французским и английским фирмам и магазинам, иностранным консульствам и даже предприятиям, выполнявшим военные заказы».

Англия. Манчестер. 5 августа 1914 года

В старом центре Манчестера в одном из тихих переулков давно существовала лавка букиниста. Располагалась она на первом этаже старинного дома, причем, по слухам, в самом жилище хранилось такое собрание редких книг, что за любую из них ректор местного университета, не задумываясь, отдал бы лучшую из своих парадных мантий. Но даже эти слухи циркулировали среди узкого круга посвященных. И те немногие, кто пытался выяснить истину в разговоре с владельцем лавки, наткнулись на непробиваемую стену чуть заметной

иронии и мастерского уклонения от прямых ответов. При этом почтеннейший мистер Хайд, эсквайр, оставался неизменно и неподражаемо учтивым.

Его сын Лоуренс окончил университет, но склонности к семейному делу не проявлял, предпочитая физику и химию. Причем не зря старался – сам великий Резерфорд, нобелевский лауреат, взял его в ассистенты. Хайд-старший был этому не рад и продолжал надеяться, что в скором времени наследник вернется к изучению тонкостей фамильного бизнеса.

Сам мистер Хайд был таким знатоком книг, что ему не пришлось прилагать усилия, дабы попасть в попечительский совет университетской библиотеки, напротив – его приглашали на каждое заседание особой открыткой с золотым обрезом, какие отправлялись только самым значимым персонам. Поговаривали, правда, и о том, что уважаемый библиофил на самом деле имеет выраженные ирландские корни и даже состоит в родстве с тем Хайдом³, который слывет чудачком и собирает сказки и предания по глухим деревням Коннахта и Лейстера. Но сейчас, в начале XX века волшебные сказки даже в лучших домах были в большой моде, равно как и сочувствие романтическим ирландским негодьям.

Впрочем, вполне возможно, что это были лишь пустые домыслы. Ведь сам мистер Джозеф Хайд никогда не был замечен даже в неподобающих модных разговорах. Казалось, он постоянно живет среди манускриптов и фолиантов, в крайнем случае – первоизданий Шекспира. А что до родства, то в теплое время года, когда закрывался университет и студенты разъезжались по домам, букинист отправлялся куда-то в Пеннины, где у него вроде бы имелаась маленькая фамильная усадьба. Ездил он туда и на День всех святых, и на собственные именины. А супруга мистера Хайда, как он рассказывал, жила там всё время. Для ее хрупкого здоровья большой город оказался вреден.

Кстати, после одной из таких поездок слухи о его книжной коллекции начали затихать. Один отчаянный студент, дождавшись отъезда букиниста, решил тайно пробраться в его дом, чтобы хоть мельком увидеть легендарную библиотеку. Затею свою юноша осуществил легко, вот только книг не увидел совсем. И вообще, дом внутри был так уныл и пуст, что авантюриста охватил ужас, и он в панике бежал прочь. После чего и проболтался в ближайшем пабе о своих приключениях одному из еще не отбывших на каникулы сокурсников.

5 августа Лоуренс Хайд вернулся домой раньше обычного, но выглядел озабоченным.

– Отец, началась война!

– Она уже неделю как началась в Европе, – проворчал Хайд-старший. – Разве нас это так уж касается?

– Наша страна объявила войну Германии.

– Разве мало было войн за последний век? И еще будут...

– Мой учитель уезжает в Лондон. Ему предложена должность в Адмиралтействе.

– Вот и хорошо. Наконец-то ты оставишь свои прихоти и сможешь заняться книгами, как подобает достойному представителю нашего славного рода!

– Нет, отец. Я еду с ним.

Сэр Эрнст Резерфорд, недавно получивший рыцарское звание и право носить меч – не за подвиги на ратном поле, но за неустанное научное изучение невидимого мира, – сразу после начала войны был назначен членом гражданского комитета Управления изобретений и исследований британского Адмиралтейства. Ему предстояло решить проблему определения местонахождения подводных лодок с помощью акустических приборов. Сэр Эрнст не скрывал радости, узнав о согласии ученика сопровождать его.

– С вашими способностями, Лэрри, грешно прозябать в глуши! – изрек ученый. – Война всегда представляет собой бедствие, но она же и способна служить двигателем прогресса.

³ Дуглас Хайд, фольклорист, поэт и первый президент Ирландии.

Слепок времени № 4. Не Европа: Африка и другие части света

В Первой мировой войне участвовали тридцать восемь (из пятидесяти четырех существовавших в то время на планете) государств Европы, Азии, Северной Америки, Африки с населением свыше полутора миллиардов человек. Сотни тысяч людей были призваны на военную службу, в том числе – из далеких колоний. Были нарушены многие коммуникации, в той или иной степени война затронула почти всех людей на земле.

В апреле 1914 года подполковник Пауль Эмиль фон Леттов-Форбек стал командующим германскими войсками в Германской Восточной Африке. К августу 1914 года вооруженные силы этой колонии состояли из 261 германского офицера, унтер-офицеров и солдат и 4680 туземцев. Утром 8 августа два английских крейсера начали обстрел немецкой станции беспроводногo телеграфа в Дар-эс-Саламе. Затем началась высадка британского десанта, и Леттов-Форбек начал свою партизанскую войну, о которой позже рассказал в своих воспоминаниях: «Проволочную связь между Неймоши и Таветой прибывший позже директор полевой почты мог характеризовать только как сносную. Изоляторами служили отбитые горлышки от бутылок, прикрепленные на кольях или на ветках от деревьев; проволока была взята из изгородей на плантациях. Однако повреждения были настолько значительными, что широкий обмен сведениями и донесениями долго продолжаться не мог. Наша связь с внешним миром с началом войны была почти что отрезана... обычно для получения новостей мы были вынуждены перехватывать неприятельские разговоры по радио и захватывать неприятельскую почту или другие документы».

«Наша маленькая горсть солдат, в лучшие для себя периоды не превосходившая числом трех тысяч европейцев и примерно одиннадцати тысяч аскари, в течение всей войны приковывала к себе во много раз превосходящего врага... – писал Леттов-Форбек в мемуарах. – Против нас было выставлено около трехсот тысяч человек с тысячей автомобилей и многими десятками тысяч верховых и выючных животных, и эти войска были снабжены всем, чем располагал мир, объединившийся против Германии, с его неистощимыми ресурсами. Однако, несмотря на подавляющую численность противника, наш маленький отряд, имевший ко дню заключения перемирия едва 1400 бойцов, всё же держался и был готов к бою...» Капитулировал отряд 23 ноября 1918 года – после того, как Леттов-Форбек увидел 14 ноября у захваченного в плен англичанина Гектора Кроуда документы, из которых следовало, что между Германией и Антантой заключено перемирие.

А в 1914 году по обе стороны фронта царил уверенность в том, что война будет быстрой и победоносной. По плану графа фон Шлиффена на завоевание Франции отводилось всего тридцать девять дней. На сороковой день немцам надлежало праздновать окончательный разгром давнего соперника, а французам оставалось разве что справлять тризну по ушедшему навсегда величию.

Но реальность по давней дурной привычке опять внесла свои коррективы – так уж повелось, что количество пренеприятных сюрпризов превышает как число, так и продолжительность приятных. Но зато остается память о героях, которые без тех событий могли прожить долгую жизнь обычных людей...

Всё, и даже – чудо!

Слова «способности» и «прогресс» постоянно мелькали и во время дискуссии, развернувшейся во французском генеральном штабе. Речь шла о создании особой структуры, которая будет призвана обеспечить военную разведку (и контрразведку, само собой) малочисленными, но мобильными и высокоэффективными группами специального назначения.

– Но как вы можете поручиться, что они будут надежными в смысле дисциплины? – недоумевал чопорный старый генерал. – Предоставить такую свободу действий вчерашним гражданским, это слишком опрометчиво, разве нет?

– Нам важно выиграть войну, – возразил начальник Генштаба, – и ради этого можно освободить от обязательной шагистики десятков-другой особо ценных специалистов.

Слово главнокомандующего оказалось решающим. На следующий вечер, когда уже стемнело, возле фермы «Серебряная Терраса» остановился неприметный автомобиль, и водитель сразу же погасил фары. Выскочил, чтобы открыть дверцу для единственного пассажира, однако тот уже выбрался и стучал в ворота негромким, но четким условным стуком.

Ворота распахнулись. Приехавший жестом показал шоферу – загоняй, мол, машину во двор. А сам, сторонясь полосы света из ближайшего окна, прошел к дому. Шофер выполнил распоряжение, заметил, что ворота быстро захлопнулись за ним, но разглядеть людей не смог, только смутные тени мелькнули и скрылись во мраке.

Волчий вой раздался так близко, что бравый ординарец генерала Жоффра вздрогнул и положил руку на кобуру. Конечно, ограда высокая... и давно наступил XX век, эпоха науки и реализма, однако этот вой невольно вызывал воспоминания о страшных сказках про оборотней, слышанных в детстве. Поежившись, ординарец уселся на шоферское место и захлопнул дверцу автомобиля. Как-то оно так спокойнее...

А в доме шел негромкий разговор.

– Анри, это небывалая война, – произнес гость. – Всё, что раньше было само собой разумеющимся, скоро будет забыто. Нет больше войны по правилам, с красивыми пехотными каре, знаменами, раззолоченными мундирами. Мои офицеры еще не поняли это, да я и сам не до конца понимаю. Но это так. Всё, что раньше годилось только для войны с туземцами в колониях, теперь через считанные дни станет допустимо и в Европе.

Лугару-старший тяжело вздохнул:

– Когда-то и штурм Каркассона казался немыслимым...

Генерал Жоффри был уроженцем Лангедока, поэтому, услышав о Каркассоне, кивнул печально:

– Ты меня правильно понял, Анри.

– И чем мы можем помочь?

– Я хочу поговорить с Арманом.

– Сейчас позову. Что ж, ему не привыкать воевать...

Слепок времени № 5. Без фотоаппарата и карт

Война только разворачивалась в поистине широкоформатное действие, но в тылу уже запахло пороховой гарью, немереными барышами для немногих и лишениями и трудностями для остальных. Газеты запестрели объявлениями соответствующей тематики:

«К вступительным экзаменам на ускоренные КУРСЫ ПРАПОРЩИКОВ при военных училищах быстрая и солидная ПОДГОТОВКА с гарантией успеха...»

«ГЕНЕРАЛЬСКОЕ пальто на крымском барашке, на рост выше среднего ПРОДАЕТСЯ Ропшинская улица дом № 18 квартира № 18. Видеть с 10-ти до 12-ти часов и с 5-ти до 7-ми часов».

Журнал «Искры» подробно сообщал о визите французского главнокомандующего, намекая, что «вождь французской армии» провел переговоры не только о взаимодействии обычных войск, но и о сотрудничестве в области тайных операций и разработки нового небывалого оружия.

«Нынешний главнокомандующий французской армией генерал Жоффри и высшие русские военные круги хорошо знают друг друга. Во время поездок в Россию генерал Жоффри

находился в тесном общении с целым рядом начальствующих лиц русской армии. Генерал Жоффр был милостиво принят Государем Императором в Новом Петергофе. В день своего приезда в Петроград генерал Жоффр в беседе с журналистами заявил:

– Как солдат, я не имею права ничего сказать по поводу нашей миссии...

Из всего этого с несомненностью вытекает, что результатом посещения Великим Князем Николаем Николаевичем Франции и поездки генерала Жоффра в Россию явились полное ознакомление союзных держав с военными силами друг друга и выработка согласованных действий... Относительно генерала Жоффра следует еще добавить, что перед поездкой в Россию он, в качестве начальника французского генерального штаба, много работал над реформированием плана французской мобилизации».

Что еще изменилось в столице после вступления Российской империи в войну? Появились патриотические призывы (в том числе – и объявления, предлагающие бойкотировать германские магазины и товары, покупать русское), начался повсеместный сбор пожертвований в пользу фронта, обустройство новых частных больниц для раненых. В первые недели все верили в быструю победу над врагом. На фронт отправились многие аристократы и представители светского общества, но уже через пару месяцев в Петрограде начались отпевания героически погибших в боях гвардейских офицеров (и не только их). Затем стали наводить порядок и запретили торговлю спиртными напитками. Было издано распоряжение градоначальника, коим запрещалось «воспроизводить фотографические снимки и рисунки с воинских частей и учреждений, с укреплений, орудий, судов, постов, железнодорожных путей и всяких работ, производимых по распоряжению военных властей, а также ходить в районе таких работ вне проезжих или необходимых для местных жителей дорог».

Любой говоривший по-немецки вызывал в толпе подозрение и мог быть назван врагом... Были убраны все вывески на немецком...

Впрочем, жертвы были не только на фронте. 28 августа дворники дома № 4 по Эртелеву переулку, Василий Михайлов и Сергей Сидоркин, решили гульнуть и выпили большое количество денатурированного спирта из большого фонаря, освещавшего двор. После того как они почувствовали себя плохо, были отправлены в Обуховскую больницу, где ночью и скончались. Спустя пять дней в больницу Святой Марии Магдалины, располагавшуюся на Васильевском острове, поступил с признаками отравления денатурированным спиртом сапожник Василий Жаров, который вскоре, не приходя в сознание, скончался.

Исполнить долг

На тихой окраине Питера о начавшейся войне еще ничего не напоминало. Разве что через несколько дней проехала со стороны дач в открытом экипаже барыня в сарафане с душегреей и в высокой кике. При ней были нарядные детишки в костюмах разных стран, но каких – этого Василий распознать не сумел, заметил только белую ланголию⁴ и яркий жилет поверх белой же рубашки на одном из мальчиков. В такой одежде был изображен на лубочной картинке, висевшей в горнице, некий греческий герой, воевавший против турок. Под мышкой барыня держала толстого мопса в наморднике с карнавальными усами.

– Да ведь прямо царь Вильгельм! – воскликнул кто-то из зевак, указав на собачку.

Барыня, как понял Василий из последующих разговоров, ехала на благотворительный базар, собирать деньги для лечения раненых.

А еще несколькими днями позже хозяев дома окликнул другой постоянный покупатель, проезжавший мимо. Пока его супруга жаловалась молочнице, что летний отдых пришлось прервать, а значит, не до конца насладиться творожными запеканками, молочными

⁴ Часть греческого национального костюма.

сладостями и прочими лакомствами, на которые их дачная кухарка такая мастерица, этот господин хоть и в штатском пока, но с очевидной военной выправкой вдруг обратил свой взор на Василия.

Потом посмотрел на хозяина, который тоже без удовольствия слушал женскую болтовню, переминаясь с ноги на ногу. И – снова на Василия. Спросил:

– А скажи-ка, молодец, ты на солнце обгореть не боишься?

– Нам солнце не страшно, сударь, мы привычные.

– Ах вот как... И что же ты, совсем со двора не выходишь?

– Не положено. Только если позовут.

– Кто позовет?

– Хозяева. Или дети хозяйские, когда вырастут и своим домом заживут.

– Понятно. Надо же, говорила мне матушка, что у нас в роду видящие бывали, а я не особо верил. Но я думал, что ваше племя поменьше габаритами будет, всё больше котики или хорьки всякие.

– Могу и котиком... – усмехнулся Василий.

– Да? То есть, и это правда? Интересно, интересно... А хотел бы ты мир посмотреть, там, за воротами?

Василий не ответил. Но ощутил жгучее желание увидеть всё то, о чем говорилось в сказках, что слабым подобием отображалось на цветных лубках...

Назавтра младший домовый Василий с подворья такого-то на Малой Охте получил официальную призывную повестку, предписывающую хозяевам дома исполнить подобающий обряд провожания, а ему самому – прибыть в распоряжение полковника особого отдела Эдуарда Алексеевича Утукина.

Слепок времени № 6. Марнская битва

Положение на фронтах, привлекавшее внимание миллионов на пяти континентах, заполнило на четыре долгих года первые полосы газет. Выходивших даже в тех странах, которые придерживались нейтралитета.

27 августа 1914 года военные сводки немецкой стороны звучали торжествующе: «Германские армии с победными боями вступили на территорию Франции от Камбре до Вогез. Враг, разгромленный на всех участках фронта, отступает и не может оказать серьезного сопротивления наступающим германским войскам».

Впрочем, реальность была чутью менее радужной. Один из офицеров тогда записывал в дневнике: «Наши люди дошли до крайности. Солдаты валяются от усталости, их лица покрыты слоем пыли, мундиры превратились в лохмотья... Солдаты шли с закрытыми глазами и пели, чтобы не заснуть на ходу. И только уверенность в предстоящем триумфальном марше в Париже поддерживала в них силу».

Уже упомянутый план недавно почившего графа фон Шлиффена был прост и понятен – сначала взять Париж, потом добивать. 30 августа армия фон Клюка оказалась уже в Компьене. Защищать Париж было некому. Британцы спешно отступали. Их главнокомандующий сэр Джон Френч демонстрировал явное намерение бросить генерала Жоффра и его солдат на произвол судьбы.

Но в последнюю минуту, когда до французской столицы оставалось десять лье, начальник полевого Генштаба Мольтке-младший решил, что будет проще добить отступающего противника, а потом уже занимать его столицу. Утром 1 сентября воздушная разведка донесла французскому командованию, что немецкие войска повернули и двинулись на юго-восток. Но тем самым они подставили под удар свой собственный фланг...

Генерал Жоффр приказал перебросить войска из Вогезов к Парижу и начать контрнаступление. Правительство Франции эвакуировалось из столицы, напоследок наделив военного коменданта Галлиени неограниченными полномочиями. 3 сентября весь город был оклеен листовками с его обращением: «Мне дано поручение защитить Париж от захватчиков. Я его выполню до конца». Местом решающего сражения стала местность, прилегающая к реке Марна.

Не тот поворот

Накануне первого удара союзников по немецкому флангу, положившего начало битве на Марне, а именно вечером 4 сентября 1914 года Арман Лугару оказался на дороге, ведущей из Парижа к Вилье-Котре. Подготавливаемые тайные операции в захваченной немцами столице внезапно оказались неактуальны, поскольку скоростная оккупация не состоялась. А вот на фронте «особо ценному специалисту» занятие наверняка могло найтись... Хотя линии фронта как таковой еще не было – кто-то отступал, кто-то пытался окружить хоть кого-нибудь. Шестая армия генерала Монури где-то там впереди спешно разворачивалась в боевые порядки. На дорогах царил хаос – велосипеды и мотоциклы, пешие подразделения и беженцы, броневые автомобили, крестьянские телеги, а в центре всего этого безобразия – новенький биплан на буксире, прицепленный к еще недавно щегольскому, а теперь покрытому толстым слоем пыли и дорожной грязи авто-кабриолету.

Арман наблюдал всё это из кузова грузовика. Он ехал вместе с пехотинцами, чей командир по имени Шарль то впадал в меланхолическое молчание, то вдруг, воодушевившись, начинал декламировать:

*Блажен, кто пал за землю нашу бrenную,
Но лишь бы это было в праведной войне,
Блажен, кто пал за все четыре стороны,
Блажен, кто пал в смертельном торжестве...*

Смерив чтеца взглядом, далеким от восхищения, Арман поинтересовался, впервые ли тот направляется в зону боевых действий. Лейтенант не был юношей, недавним курсантом, скорее уж одним из недавно мобилизованных гражданских. Он осекся, недовольный, что его так грубо перебили, вернул равнодушному слушателю негодующий взгляд и воскликнул:

– Когда звери терзают нашу землю, никто не смеет отсиживаться в тылу.

– Беда в том, что на той стороне, в большинстве своем, такие же люди.

– Вы рассуждаете, как социалист!

– Нет, я реалист. Противника надо оценивать трезво.

Лейтенант сник, пробормотал:

– Мы последние...

– Да вроде нет, – отозвался Арман, – подкрепление еще должно быть.

– Мы последние, кто способен чувствовать душой! А следом идут такие, как вы, молодой человек! Рассуждающие! Умничающие! Те, кто не верит ни во что и гордится этим!

– Чьи стихи вы читали? – спросил Арман, чтобы остановить поток восклицаний.

– Мои собственные! – окончательно обиделся почтенный лейтенант. – Тридцать переизданий, между прочим, за восемь лет!

Слепок времени № 7. «Погибнуть, но не отступить»

6 сентября французским войскам был зачитан приказ Жоффра: «Каждый должен помнить, что теперь не время оглядываться назад: все усилия должны быть направлены к тому, чтобы атаковать и отбросить противника. Войсковая часть, которая не будет в состоянии продолжать наступление, должна во что бы то ни стало удерживать захваченное ею пространство и погибнуть на месте, но не отступить».

И начались бои. Следующий день мог стать для французов и англичан роковым, но к ним подоспело подкрепление – Марокканская дивизия, только что прибывшая в Париж и переброшенная к Марне на том транспорте, который комендант смог отыскать, – половина по железной дороге на поезде и дрезинах, собранных по всем депо, половина на такси.

9 сентября немцы стали отступать к северу. Несостоявшийся блицкриг сменился «бегом к морю», вскоре превратившим войну в позиционную. Но почти шестьсот тысяч немцев, французов и англичан, которых начало сентября застало еще живыми и здоровыми, об этом уже никогда не узнали.

Командир пехотного взвода поэт Шарль Пеги был убит одним из первых. Он лишь на месяц с небольшим пережил своего однокурсника, редактора газеты «Юманите» Жана Жореса, застреленного в парижском кафе «Круассан» за четыре дня до начала военных действий. Убийца – участник Лиги друзей Эльзаса – Лотарингии Рауль Виллен – считал Жореса предателем национальных интересов Франции: тот пытался предотвратить войну организацией международной забастовки, утверждая, что рабочим нечего делить. Впрочем, не только им.

Но, согласно многовековой традиции, алчность власть имущих принято драпировать высокими материями. В том числе – об обновлении и возрождении. И через столетие на месте снесенных братских кладбищ героев Великой войны появятся скромные таблички. Но уже без многих, окончательно утерянных имен...

Время порой требует массы героев

Арман быстро осознал, что в штабе генерала Монури никто не склонен рассматривать его как особо важного специалиста и тем более прислушиваться к его мнению, продиктованному древним предчувствием опасности.

– Послушайте, Лугару, у меня нет ни лишних людей, ни транспорта... вообще никакого нет, солдат на такси возить приходится прямо из Парижа. А проклятые таксисты не преминут счет выкатить верховному командованию! Военный бюджет трещит по швам! А тут вы, вместо того, чтобы выполнять приказы, настаиваете на захвате сарая с саперными лопатками или что там может оказаться?

– Поверьте, мой генерал, там может найтись и нечто более серьезное. Опыт подсказывает...

– Опыт? Молодой человек, какой у вас может быть опыт?! Вы во время прошлой войны еще на свет не появились! У меня нет времени на ваши фантазии! Свободны! Ждите приказаний.

Арман, который лично помнил не то что злополучную «прошлую» войну с немцами, но и ту, когда *furia francese* громили испанцев при Рокруа⁵, а баварцев при Нёрдлингене,

⁵ Битва при Рокруа (1643) – одно из важнейших сражений Тридцатилетней войны, когда французы неистовым и даже авантюрным натиском сумели нанести тяжелейшее поражение испанской армии, уничтожив три четверти отборной опытной пехоты. Кто смотрел «Капитана Алатристе», тот знает...

покинул штабную палатку, отошел подальше и витиевато выругался. Рядом раздался смех. Среди англичан, вперемешку с французами занимавших позиции на Марне, обнаружился некто, чья внешность, несмотря на грязь и пыль, показалась Арману смутно знакомой. Возможно именно потому, что франтоватому красавчику в английской форме грязь и пыль как-то даже не особо вредили, да и походка его оставалась расслабленной, будто на прогулке.

– Кажется, мы уже встречались в этих местах, – сказал он.

– Да, – понизил голос Арман, – при Карле Безумном. Или принце Хэле, как вам больше нравится...

– Какая разница, – усмехнулся Лэрри Хайд. – Самое главное, что сейчас мы на одной стороне. Не хотелось бы своей шкурой проверять искусство ваших арбалетчиков.

– Можно подумать, моей шкуре больше нравятся ваши лучники, среди которых вы, о мой почтенный собрат, были далеко не последним стрелком...

Произнеся эти тирады, оба расхохотались.

А потом Лэрри деловито спросил:

– Что ты там нашел такого важного?

– Ты слышал?

– Вы оба так орали, что и человек расслышит без труда, не то, что я. В чем дело?

– Да немцы, похоже, заслали диверсантов выше по течению. Генерал думает, что оно не стоит внимания. А я бы проверил...

– Как говоришь, место называется?

– Чертова Лужа.

Лэрри помрачнел и сказал:

– Если это та Лужа, о которой я слышал, там может быть всё, что угодно.

– На плато Лангр.

– Она самая...

Шаги, направлявшиеся в их сторону, оба услышали издали, а потому прекратили обсуждение. Но показавшийся из-за бронемашин бравый русоволосый парень однозначно не был человеком, а потому его встретили не столько настороженными, сколько вопросительными взглядами.

– Доброго дня, господа, – поклонился пришедший. – Я вот услышал, что вы о плато Лангр говорите, а далеко ли это отсюда?

– Ну, не близко, – проговорил Арман. – Что тебя так заинтересовало?

– Там же сыр делают, вот и интересно стало... Мы же испокон веков при молочном промысле.

– Да сейчас вообще-то война, ты не заметил? – съязвил француз. – Не до сыра.

– Так у нас недаром говорят еще со времен государя Петра «война войной, а обед по расписанию».

– Хорошее правило, – хихикнул Лэрри. – Хотя и сформулировал его немецкий кайзер. Да не дергайся ты, не нынешний, а тот, что с вашим Петром очень даже дружил. Лучше расскажи, как ты здесь оказался?

Василий поведал, как разговорился с полковником из разведки и тот изыскал в древних законах параграф, позволяющий домовому по особому распоряжению свыше и при наличии сородичей, способных присматривать за жилищем и хозяйством, отправиться и в путешествие, и на войну.

– Как у вас всё сложно!..

– Нет, сложно – это у людей.

Слепок времени № 8. Неизбежный конец морской романтики

Личная яхта стального промышленника и оружейного короля Густава Круппа носила имя «Германия». Она была свадебным подарком, который он преподнес своей жене Берте, благодаря которой и стал членом семьи Крупп. Но на самом деле «Германии» отводилась куда более важная роль, чем быть дорогой игрушкой тевтонской оружейной королевы и ее супруга. Яхта должна была побеждать в парусных гонках, принося славу своей тезке-стране и ее правителю кайзеру Вильгельму.

«Германия» была построена на военной верфи в Киле. Корпус был из знаменитой крупноподской стали. Яхта побеждала во всех гонках на протяжении шести лет, регулярно ставя рекорды скорости. Иногда, впрочем, она занимала второе место – когда в гонке участвовала яхта самого кайзера, построенная на той же верфи. После начала Первой мировой войны яхта «Германия», находившаяся тогда в английском порту, была конфискована и впоследствии переправлена в США, где и затонула. Сейчас она лежит на дне у острова Key Biscayne.

22 сентября 1914 года германский крейсер «Эмден» обстрелял индийский город Мадрас. С первых дней осени он охотился в Бенгальском заливе на торговые суда. Вскоре командир «Эмдена» фон Мюллер узнал из радиоперехвата, что по его душу идет британская эскадра. Крейсер был спешно снабжен фальшивой четвертой трубой, после чего двинулся прямо к Мадрасу, беспрепятственно вошел в гавань и открыл огонь по нефтехранилищам «Бирманской нефтяной компании». «Маяки мирно горели, что в значительной степени облегчило нашу задачу, – вспоминал старший офицер «Эмдена» Хельмут фон Мюкке. – Открыв прожектор, мы сейчас же нащупали им наши жертвы – высокие белые с красной крышей нефтяные цистерны. После нескольких выстрелов над ними показались громадные языки голубовато-желтого пламени, из пробоин, причиненных снарядами, хлынули потоки горящей красным огнем жидкости...» Когда нефть в емкостях запылала, немцы принялись обстреливать городские кварталы и стоявшие в гавани корабли. После первых ответных залпов береговых батарей «Эмден» дал задний ход и благополучно скрылся.

Межчеловеческие странности: иногда они поджигают. Друг друга

Ночь внезапно озарилась вспышкой пламени. Над деревушкой, где были расквартированы союзные войска, разлилось багровое зарево. Ударил сигнальный колокол. Арман ругнулся, будучи раздосадован необходимостью покинуть сеновал, где он так удобно устроился на ночлег, хоть и без прекрасной селянки, но зато в относительном уюте. Он еще не успел заснуть, когда всё случилось, поэтому мигом спрыгнул на землю, минуя приставную лестницу, и помчался туда, где разгорался пожар.

Из ближайшего пруда люди черпали ведрами воду пополам с тиной и по цепочке передавали их к пожарищу, пытаясь, если и не погасить пылающий дом, то хотя бы не допустить распространения огня на соседние строения.

В темноте Арман буквально нос к носу столкнулся с Лэрри, тот показал вперед, в темноту, прорывав:

– Он там!

Оба устремились в погоню, которая вышла короткой – через три дома от горящего они скрутили убегающего человека, в котором Лэрри признал поджигателя. Диверсант оказался щуплым и немолодым мужичком, который бессвязно мычал, бормотал, всхлипывал и на вопросы не отвечал. Арман в сердцах отвесил ему затрещину, но и это не помогло.

Приехал следователь, дело представлялось ясным – замаскированный негодяй на службе Германии облил керосином и поджег дом, в котором были расквартированы

английские офицеры. Виновник, уже обретший дар речи, ничего внятно объяснить не мог, клялся, что событий той ночи не помнит совсем. Удалось выяснить, что он был известен как контрабандист еще с довоенных времен, хотя подобным промыслом в приграничных селениях занимался едва ли не каждый второй. А с началом войны и исчезновением легальных возможностей добывать спиртное, сигареты, равно как брюссельские кружева и прочие нужные вещи не первой необходимости, контрабанда расцвела и усилилась.

Объяснения несчастного не были приняты во внимание. Он был признан виновным и по законам военного времени приговорен к смерти. Но привести приговор в исполнение не успели. Когда расстрельная команда уже строилась у ближайшего оврага за околицей, в деревеньку влетел изрядно запыленный автомобиль. Из него бодро десантировались ученого вида господин в штатском и военный с властными манерами, но без знаков различия.

– Где поджигатель? – спросил военный. – Отставить расстрел! Он нужен для дальнейшего расследования!

Злополучного контрабандиста, еще не осознавшего, что он спасен, доставили пред светлые очи визитеров. Один из них, оказавшийся доктором, внимательно оглядел его и спросил:

– Так что же произошло, любезный?

– Да не помню я ничего! – возопил несчастный уже в который раз. – Вечером лег спать, а потом бац – стою в проулке, и вон они меня схватили, трясут, ругаются.

Доктор воззрился на «них», то есть Армана и Лэрри. Оставив поджигателя, подошел к ним поближе, понизив голос, сказал:

– А вы, господа, верно угадали, что он не в себе. Интересно, как?

– У него в голове туман был, – невозмутимо ответил Лэрри.

– Туман... ну это вы, конечно, образно выразились. Хотя, по сути, правильно.

– И по факту тоже, – хладнокровно заметил Лэрри.

– По факту? Вы что, прямо в череп ему заглянули?! Впрочем... Впрочем, вы, наверное, и впрямь имеете такую возможность. А в мою голову вы тоже успели наведаться?

– У нас не принято ходить в гости без приглашения. Или крайней необходимости.

Довольный врач захохотал. Арман спросил:

– Мы слышали, что наш огнепоклонник не единственный, это так?

Собеседник замялся, но все-таки кивнул. Лэрри позволил себе усмехнуться, только проводив взглядом умчавшуюся машину.

– Хочешь, предскажу нам с тобой ближайшее будущее? – предложил он.

– Да что тут предсказывать, – проворчал Арман, – нас наверняка вызовет начальство и потребует искать того, кто сводит с ума мирных французов, они вспоминают о счетах времен Столетней войны и начинают нападать на англичан...

– Или нападают без всяких воспоминаний.

Слепок времени № 9. Бей германцев – спасай Россию!

14 сентября 1914 года на совете Петроградского университета выступил шестидесятидвухлетний профессор Александр Станиславович Догель, член-корреспондент Петербургской Академии Наук, входил в состав Комитета по присуждению Нобелевских премий.

Догель, осудив «зверские поступки варваров XX века – германцев», призвал своих ученых коллег отныне не печатать трудов на немецком языке и в германских изданиях, а также прекратить «поддержку германской промышленности», не покупая больше у нее научные приборы и реактивы. Помимо этого, профессор Догель на совете университета поставил вопрос об исключении из состава почетных членов совета тех германских ученых, которые, по мнению Александра Станиславовича, «позорят и унижают науку».

30 августа 1914 года Верховному главнокомандующему русской армией великому князю Николаю Николаевичу было нанесено первое документально засвидетельствованное оскорбление. Двадцатисемилетний эстонец Р. Я. Трейман, владелец писчебумажного магазина, продавая двум покупательницам литографированный портрет военачальника, неосторожно обронил фразу: «Правда ли, он на дурака похож?» Возмущенные покупательницы сразу донесли на Треймана в полицию. Тщетно он объяснял, что имел в виду лишь плохое качество исполнения литографии. Трейман был приговорен к шести месяцам заключения в крепости.

20 сентября в Елагином дворце вдовствующая императрица Мария Федоровна написала письмо великому князю Николаю Михайловичу, так охарактеризовав немцев: «Это такие чудовища, внушающие ужас и отвращение, каким нет подобных в истории... немцы хуже диких зверей. Надеюсь ни одного из них не видеть всю мою жизнь. В течение пятидесяти лет я ненавидела пруссаков, но теперь питаю к ним непримиримую ненависть...»

Еще осенью 1914 года слухи о немецком засилье в окружении Николая II вызывали многочисленные шутки, но уже весной 1915 года, после неудач российской армии и разветывания в стране милитаристской пропаганды, повсюду началась шпиономания и германофобия. Появились многочисленные заявления о немецком засилье – в том числе в царском окружении.

В июне 1915 года из Сибири в редакцию газеты «Русское слово» пришло следующее красноречивое письмо: «Сотни лет стонет Русь многострадальная от присосавшихся к ней чужестранцев, особенно немцев... Каждый литературный работник должен ратовать за полное освобождение от немецкого засилья, где бы оно ни было, включительно до царского двора».

Известный публицист А. Ренников, печатавшийся в «Новом времени», считался экспертом, разоблачающим «германское засилье», получал множество писем-доносов. Среди них было и отправленное в феврале 1915 года из Новгородской губернии послание следующего содержания: «Близ ст. Ушаки Николаевской ж. д. находится имение покойного Кн. Голицына, где проживает немец управляющий фон Казер. Местное население взвинчено против него невероятно, питаясь различными слухами. В конце концов, и местная полиция обратила на него внимание, и произведенным ею дознанием подтвердилось, что Казер через прислугу распускает такие слухи, за которые русским не поздоровилось бы. Например, его рассказ, ставший достоянием полицейского протокола, после поездки в Царское Село, гласит: «Видел я Царскосельский Дворец, уж очень он хорош, и пригодится для нашего Вильгельма, а для русского царя довольно и одной комнаты с решеткой».

В первые месяцы войны было отпечатано множество красочных лубков и карикатур, на которых российские и малороссийские селяне доблестно «сбивали» и мастерски «захватывали» не только вражеские аэропланы, но и дирижабли. Кроме того, в начале 1915 года московским издательством И. М. Машистова был выпущен плакат «Охота казаков за немецкими аэропланами». Ранее в журнале «Лукоморье» были напечатаны рисунки на подобную тему, в том числе – художника И. А. Владимирова «Подстреленный аэроплан».

В ноябре 1915 года в Акмолинской области народная учительница узрела в крестьянской избе цветной патристический плакат «Дракон заморский и витязь русский». На нем красовался русский витязь, поражающий трехглавого дракона, головы которого представляли германского и австрийского императоров и турецкого султана в их характерных головных уборах. Учительница, как было запротоколировано, публично сказала: «Напрасно Вильгельма рисуют таким, он не такой, а умный, красивый, образованный, из его страны выходят всякие фабриканты...»

В российском тылу ходило множество самых разных слухов, с которыми приходилось бороться представителям соответствующих служб. Так, тридцатичетырехлетний крестьянин Вятской губернии был осужден на три недели ареста за то, что в августе 1915 года ходил по своей деревне и утверждал, что «у нас Николка сбежал, у нашей державы есть три подземных хода в Германию и один из дворца, может быть, туда уехал на автомобиле. У нашего государя родство с Вильгельмом. Воюют по согласию, чтобы выбить народ из боязни, чтобы не было восстания против правительства и царя, но и теперь гостятся...»

Среди самых распространенных были слухи о пудах золота, полученных великим князем Николаем Николаевичем (младшим) за то или иное предательство. Так, в ночь на 1 января 1916 года пьяный тамбовский торговец, вскоре арестованный, рассказывал посетителям местного трактира, что (как это фигурирует в деле) «бывший Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич продал Карпаты и Россию за бочку золота и теперь война проиграна...»

Слепок времени № 9-бис. «Добрые и хорошие патриоты», в том числе с крыльями

Полковник Вальтер Николаи, глава немецкой разведки с 1913 по 1919 год, писал в своих мемуарах: «С аэропланов начали сбрасывать значительные количества почтовых голубей и шаров для широкого снабжения ими населения в целях разведки в тылу германского фронта. Почтовых голубей помещали попарно, в маленьких корзинках и выпускали последних с аэропланов на маленьких шелковых парашютах. В корзинках находилась пища, подробное указание об обращении с голубями, анкетный лист, образец сообщения, французские деньги и воззвание следующего рода: «...Союзники должны быть хорошо осведомлены о положении врага и его намерениях. Оказать эту услугу должны вы, добрые патриоты, находящиеся среди неприятельских войск. Вот средства для этого. По достижении мира мы сумеем вас вознаградить, а вы будете всегда горды тем, что действовали, как хороший патриот». На необитаемых участках в тылу германского фронта было найдено много корзин с умершими почтовыми голубями. В декабре 1917 года их было найдено шестьдесят три, в январе последнего года войны – сорок один, в конце мая того же года при одной лишь армии – сорок пять. Цифры эти представляют лишь незначительную часть сброшенных почтовых голубей. Значительная часть осталась, без сомнения, необнаруженной и была использована населением. Постоянно наблюдались летящие почтовые голуби. Как ни трудно было попасть в них, всё же удалось одиннадцать из них подстрелить. Все они несли под крыльями военные сообщения».

За большие заслуги в Великой войне почтовому голубю № 888 было присвоено звание полковника британской армии. После смерти он был погребен со всеми подобающими воинскими почестями.

Германский Айболит

Предсказание сбылось. За двумя приятелями прислали машину, тот самый автомобиль, который когда-то был мирным и красивым, а теперь пропылился насквозь и обзавелся наращенными бортами из металлических листов, кривовато, но крепко приклепанных по бокам. Ветровое стекло местами потрескалось. Немногословного шофера удалось быстро разговорить, ибо машины он любил, а второго такого собеседника, подобного Арману, он едва ли нашел бы на большей части Западного фронта. Но подробностей начальственного замысла шофер попросту не ведал.

Зато знал – и рассказал, ловко объезжая воронки от снарядов, – что все британские подразделения на этом участке фронта велено было передислоцировать по возможности и разместить так, чтобы мирные граждане подобраться к ним могли разве что с очень большим трудом. Поскольку за последние десять дней было восемь случаев, когда какой-нибудь безобидный почтенный папаша Дюпон или непризывной еще юнец Жан вдруг хватили ведро с керосином или просто хороший пучок просмоленной пакли и кидались поджигать дома, где находились на постое союзники. В трех случаях поджигатели не обошли вниманием конюшни, причем позаботились заранее подсыпать лошадям в кормушки какую-то заразную дрянь. И то, что часть коней удалось спасти из огня, обернулось вспышкой болезней в конюшнях, куда перевели погорельцев. При этом ни один диверсант так и не смог внятно объяснить, что сподвигло его учинить союзникам такой внезапный сеанс friendly fire. Уцелевшие поджигатели – кое-кого пристрелили без всякого трибунала – поначалу все как один твердили о провале в памяти, а потом начинали проявлять явные признаки психического расстройства.

Уже по прибытии Арман и Лэрри узнали то, что не разглашалось.

– Все они контрабандисты, – поведал им тот самый контрразведчик, что приезжал за поджигателем, – но это не удивительно. Удивительно то, что среди них почти все наши люди, грех ведь не использовать такой ресурс. Они тут все тайные тропы в болотах и лесах знают.

– И такая массовая перевербовка?..

– Само по себе еще может быть, у нас один сотрудник полсотни немецких дезертиров завербовал. Но чтобы вот так заставить человека что-то сделать и забыть, что и почему, главное – почему? – он сделал... Один, правда, смог вспомнить, что попался немцам, но ему никаких приказов не давали, поговорили и отпустили. Короче, Лугару, вы пойдете в качестве контрабандиста на ту сторону и непременно попадетесь. А вы, Хайд, будете его вести и страховать.

– Интересно, – хмыкнул Лэрри, – они не допускают мысли, что я могу сойти за француза?

– За француза ты сойдешь, а за мелкого приграничного мошенника – не очень, – отозвался Арман. – Тебя хоть в рубище одень, всё равно любой увидит явного аристократа. Но поскольку графы-разбойники в здешних краях давно уже не водятся...

– А кажется, это было лишь вчера, – меланхолично заметил Лэрри.

Выполнить первую часть задания – перейти линию фронта и попасться первому же германскому патрулю удалось без всякого труда. Дальше начались странности, причем неприятные. То, что задержанного привезли не в комендатуру, а в госпиталь, уже выглядело странно, а когда Арман мельком сквозь распахнутую дверь рассмотрел помещение, которое явно предназначалось не для людей, а для какого-то монстра, то подумал, что дело совсем плохо. Причем плохо в любом варианте – распознали ли немцы, с кем имеют дело, или же держат здесь собственное чудище.

Но его провели мимо странного узилища, и, наконец, Арман оказался в кабинете, обставленном вполне уютно и обыденно. Плотные шторы защищали его от дневного света. Хозяин кабинета, в белом халате поверх военной формы, вполне любезно предложил сесть, поинтересовался, не желает ли гость кофе.

– Конечно, по условиям военного времени кофе не так хорош, как хотелось бы, ведь в Африке тоже идет война. Но всё же...

Арман покачал головой.

Немецкий доктор заговорил снова, причем так монотонно, что разобрать слова было почти невозможно. Сначала Арман удивился, но через несколько секунд сообразил – задачей доктора является усыпить очередной объект. А потом, возможно, внушить ему что-нибудь.

Например, желание прогуляться до ближайшей английской казармы с керосином и спичками.

Арман постарался «уснуть» как можно правдоподобнее, даже всхрапнул пару раз. На самом деле он, конечно, и не думал спать, размышляя, как понадежнее оглушить доктора, а потом незаметно доставить его на окраину ближайшего болота, где засел Лэрри с оружием и корзиной почтовых голубей.

Когда доктор отвернулся, не прекращая говорить, Арман бесшумно подкрался к нему и, слегка напрягшись, чтобы наметившееся изменение его облика стало очевидным, клацнул зубами над самым ухом гипнотизера.

...В общем, даже глушить особо не пришлось. Пока они волокли добычу обратно – вот уж контрабанда получилась, не посрамили временное ремесло! – Лэрри периодически ворчал насчет непригодившейся корзины с треклятыми птицами. Оставить ее кому-то из местных жителей они не рискнули, опасаясь провалить основное задание. По той же причине и не выпустили всех голубей сразу – немцы уже научились отслеживать их.

Захваченным «языком» оказался настоящий врач-психотерапевт Иоганн Шульц, учившийся в Лозанне, Гёттингене и Бреслау, получивший докторскую степень за работу «Об изменениях крови при неврологических и психических заболеваниях». Работать ему довелось не только в психиатрических клиниках, но и в институте экспериментальной терапии во Франкфурте-на-Майне под руководством самого Пауля Эрлиха. Шульц, ставший с началом войны полковым врачом и начальником госпиталя, создал собственный метод гипноза, который и оттачивал на местных контрабандистах.

Доставили его куда следует без особых трудностей, хотя в разгар пути через болото слегка очнувшийся доктор начал кричать:

– Я вам ничего не скажу!

Арман переглянулся с Лэрри и лениво произнес на плохом немецком:

– Хорошо, чистенький человечек попался, упитанный. Сегодня отличная жратва будет!

– Да, – отвечивал соратник, – прямо как в добрые старые времена.

– Еще немного они повоюют, истребят друг друга, и наше время вернется.

– Ну, этого мы прямо сегодня голубями нафаршируем. Ты перец и гвоздику не забыл?..

Больше доктор Шульц о себе напоминать не отваживался до самого французского штаба. Возможно, благодаря этому он уцелел и дождался конца войны. А после отличился, работая в Немецком институте психологических исследований и психотерапии, где проводил эксперименты по перевоспитанию гомосексуальных мужчин. Шульц утверждал, что гомосексуальность бывает наследственная и излечимая. Проверяя возможность к излечению, он принуждал подозреваемых к сексу с проститутками. Те, у кого не получалось, отправлялись в концлагерь.

Слепок времени № 10. Подлодки, крейсера, транспорты

После начала Первой мировой войны немецкий адмирал Гуго Поль выступил в поддержку идеи подорвать английскую экономику, применяя подводные лодки против торговых судов. Ведь Англия всегда зависела от морских перевозок. А оспаривать у Великобритании господство на море было для кайзеровской Германии при слабости ее надводных сил совершенно бесперспективным занятием. Немалое значение имело и то обстоятельство, что к началу войны германский флот уступал британскому и состоял из 5 эскадр линейных кораблей (из которых 3 были экстренно сформированы в ходе мобилизации), эскадры броненосцев береговой обороны, 5 отрядов крейсеров (всего 37 линкоров, в т. ч. 15 дредноутов, 8 броненосцев и 25 крейсеров, в том числе 3 линейных), 8 флотилий эскадренных миноносцев, отряда заградителей и 3 дивизионов тральщиков, 2 флотилий подводных лодок.

То есть единственным действенным средством могли стать только подводные лодки, с помощью которых появлялась возможность проникнуть в контролируемые Британией моря, разрушить ее всеилие на море и нанести ей удар в самое чувствительное место – снабжение и торговлю.

Вечером 2 августа 1914 года командиры германских подводных лодок получили приказ: «Немедленно приступить к боевым действиям против Великобритании». Через четыре дня десять лодок вышли в боевое патрулирование.

Но англичане отнюдь не оказались совершенно беззащитными. Уже 9 августа британская Первая эскадра легких крейсеров вошла в соприкосновение с увертливым врагом. Находившийся в дозоре «Бёрмингэм» обнаружил лодку U-15, лежащую в дрейфе, и открыл беглый огонь. Лодка начала медленно двигаться, но форштевень крейсера ударил ее в середину корпуса, разрезав пополам. Через три дня на базу вернулись только семь немецких подлодок...

9 января 1915 года Поль вновь в категорической форме потребовал активизировать военные действия на океанических путях и использовать подводные лодки против торговых судов. 4 февраля 1915 года он отдал приказ о начале неограниченной подводной войны. С 18 февраля водное пространство вокруг Великобритании и Ирландии вместе с Английским каналом объявлялось зоной войны.

Всё больше немецких лодок отправлялись топить чужие транспорты, при этом кайзеровская Германия приобрела в мире имидж «злобного агрессора», но так и не смогла взять под контроль морские вражеские коммуникации. 7 мая 1915 года на линии Ливерпуль – Нью-Йорк подводная лодка U-20 потопила английский лайнер «Луизитания». В числе погибших пассажиров было сто пятнадцать американцев, что значительно осложнило отношения Германии с США и другими доселе нейтральными государствами. Спустя три месяца лодка U-24 отправила на дно пассажирский лайнер «Арабик»... Но внешне вполне безопасные торговые суда союзников стали превращаться в замаскированных охотников на субмарины, на которых размещались орудия, торпеды и военные экипажи.

Кому сказать спасибо, что живой?

Обстрел начался еще утром. Из-за ливших несколько суток кряду дождей каждый взрыв разбрасывал липкую грязь. На дне траншей образовались мутные лужи глубиной по щиколотку. Глина при каждом шаге чавкала под ногами. Хорошо, что июль, а не ноябрь, но даже летний затяжной ливень успешно превращает землю в месиво и отбирает у людей последние крохи живого тепла.

Арман и Лэрри, которым повезло встретиться вновь на стыке французских и английских участков фронта к западу от Реймса, расположились поближе к наблюдательному пункту, от которого было мало толку. Стекла стереотрубы были заляпаны той же грязью, поэтому офицер-наблюдатель постоянно и крепко ругался. Попытки протереть оптику успеха не имели – сразу вслед за тем очередной разрыв поднимал в воздух липучие куски глины, и очистку можно было начинать сначала.

– Ничего не меняется, – проворчал Арман. – Осады, бастионы, мины. Тебе не кажется, что все их разговоры о прогрессе – пустая болтовня? Да ты посмотри, четыре года прошло, и опять мы на Марне!

Лэрри пожал плечами и отрешенно проговорил:

– Знаешь, у нас в замке был архивариус... любил читать старинные летописи и сравнивать с современностью.

– И что с ним стало?

– Уволили на всякий случай.

- Давно?
- При королеве-девственнице. Елизавете Великой...
- А это не он потом стал известен как Шекспир?
- Может, и он. Я не следил. Так, давай-ка отсюда убираться.

Арман одним прыжком переместился к повороту траншеи. Наблюдатели шарахнулись в другую сторону, похоже, они были в курсе, что мистер Хайд попусту тревогу не поднимает. Остался безучастным к происходящему только парнишка, который уже час тщетно пытался укрыться от дождя, скорчившись у земляной стенки и пряча руки в рукавах, а голову в воротнике. Лэрри ринулся к нему, схватил за шиворот и поволок в сторону.

Они едва успели добраться до места, где остановился Арман, как земля вздыбилась, брызнула мокрыми комьями. Рвануло так близко, что грохот взрыва оказался почти не различим – как и прочие звуки долго после этого. Спасенный солдатик ошалело взирал на Лэрри, бормоча бессвязное.

- Уймись, Джонсон! – сверкнул глазами тот.
- Но я же воочию видел твой настоящий облик – ты эльф! Мне спас жизнь эльф! Что будет с моей душой?
- А почему с ней что-то должно быть?
- Ты мне спас жизнь – значит, я у тебя в долгу.
- Увы, ты не настолько дорогой экземпляр, чтобы я рассчитывал от тебя получить что-то взамен...

– Не может быть это просто так! За этим что-то кроется!

– Если тебе мало того, что мы товарищи по оружию и я тебя спас, можешь считать, что обязан мне жизнью. И если ты не можешь пережить того, что жизнь спас тебе эльф, то у тебя есть только один выход – подняться во весь рост из окопа и ждать вражеской пули.

- Ты что, этого хочешь?
- Если бы этого хотел, то тебя бы не спасал, рискуя при этом своей жизнью.
- А если бы тебя спас негр, ты бы также не находил себе места? – вмешался Арман.
- Нет... – вконец растерялся тот.
- А если один из азиатских дикарей? Скажи мне, пожалуйста, где та самая грань спасения, составь список – кто может тебя спасти и не огорчать... Неужели для тебя фронтовое братство ограничено только хомо вооруженис одного цвета крови и разреза глаз?

Несчастный уже не пытался отвечать, но Арман и Лэрри не унимались:

- И как тебе формулировка в похоронке? «Он не вернулся из боя потому, что не хотел, чтобы ему спину прикрывал эльф»!
- А если тебя бы спасла женщина?
- Ну и что?
- Так у женщин души до недавнего времени не было!
- Ладно, Лэрри, не заводись. Видишь, парнишка к Древу Познания истории даже не подходил...
- В данное время Древо Познания плодоносит снарядами, которые начнут падать через пару минут.
- Откуда ты знаешь? – вскинулся еще один парень, по виду – ну просто родной брат вконец растерявшегося Джонсона.
- Да просто чувствую... И позволь не говорить, каким местом!

Слепок времени № 11. Лучшие гвозди пропаганды

Во время войны на центральных площадях германских и австрийских городов были установлены деревянные скульптуры, именовавшиеся тем не менее «железными воинами».

Или еще точнее – «воинами из гвоздей». Всякий внесший определенную сумму на военные нужды получал право забить в скульптуру гвоздь – от простого железного до золотого, в зависимости от размера пожертвования. Кроме того, жертвователи получали специальные значки. Тех, кто уклонялся от взносов, окружающие быстро начинали подозревать в предательстве. Чаще всего для забивания почетных гвоздей устанавливали статую президента фон Гинденбурга.

За первые три года войны в Берлине были задержаны 1785 человек за незаконное ношение военной формы, в том числе 384 самозванных офицера. Было доказано 175 случаев шпионажа в пользу Франции, 59 – Англии, 55 – России, 21 – Бельгии, 2 – Италии.

За время войны по обвинению в государственной измене в Германии было осуждено:

225 немцев, в том числе 67 эльзас-лотарингцев,
46 французов,
31 голландец,
25 швейцарцев,
22 русских,
20 бельгийцев,
13 люксембуржцев,
5 датчан,
4 австрийца,
3 англичанина,
3 итальянца,
3 шведа,
1 перуанец.

Главную задачу – заставить врага сдаться – успешнее всех выполняли американские пропагандисты, которые до войны были специалистами по рекламе. Составленная ими листовка рекомендовала немцам: «Когда вас возьмут в плен американцы, отдайте это первому же офицеру, который будет проверять ваши документы». Далее сдавшийся в плен немец должен был заполнить свой послужной список, а позже – подтвердить, что его содержали в хороших условиях и кормили «говядиной, белым хлебом, картофелем, бобами, сливочным маслом, поили настоящим кофе из зерен и молоком, а также снабжали табаком и т. д.». Гарантируя заботливый уход, американцы обращали внимание на то питание, которое могли предложить, – для германской армии, лишенной изобилия, это было убедительнее всего. Но в ответ германское командование лишь пыталось уверить своих солдат, что настоящий немецкий воин всегда должен помнить о своем долге.

Добились германские пропагандисты своими занудными рассуждениями о роли особо культурной немецкой нации лишь того, что немецкое слово *Kultur* надолго превратилось в символ скучного, педантичного высокомерия. Очень часто британцы вообще ничего не придумывали – просто брали очередное агрессивное заявление или образчик германского хвастовства и распространяли его в печати. Иногда с комментариями, иногда даже без.

Немцы же в первые два года войны всячески поливали грязью Антанту, пробуждая у ее солдат и мирных жителей предсказуемую ненависть. Энни Окли, артистка американского шоу «Дикий Запад», во время гастролей в довоенном Берлине получила возможность выстрелить в Вильгельма II – в одном из номеров она с сорока шагов выстрелом из кольта гасила сигару, которую курил случайно выбранный зритель. Кайзер шагнул на арену в ответ на приглашение Энни прежде, чем успел подняться «подсадной» ассистент. Опешившая артистка тем не менее успешно отстрелила кончик императорской сигары. По слухам,

во время войны Энни написала кайзеру письмо с просьбой о возможности выстрелить еще раз.

В своих воспоминаниях генерал Людендорф писал, что «с тяжелым сердцем верховному главнокомандованию часто приходилось временно уменьшать порции мяса, хлеба, картофеля и жиров для войск, а также овса и сена. Мы делали это, чтобы поддержать народ и сохранить в нем способность продолжать войну...». Но после поражения в Первой мировой генерал пошел другим путем. 14 октября 1925 года прославленный генерал Людендорф подписал договор с алхимиком по имени Франц Сераф Таузенд, основав тем самым общество «164».

Таузенд появился на свет 5 июля 1884 года в небольшом баварском городке Крумбахе. Сменив несколько профессий, он стал в Гамбурге учиться аптекарскому ремеслу, позже, уже в 1922 году выпустил брошюру «180 элементов, их атомарный вес и приведение их в гармоничную периодическую систему». Сопоставив элементы и ноты, он пытался обобщать собственную периодическую таблицу. Вскоре в Мюнхене заговорили о том, что Таузенду удалось получить искусственное золото...

Через Море-Океан

Попытку прорыва фронта удалось отбить, орудие небывалой дальностью после десятка выстрелов замолчало. А потом и вовсе за линией фронта что-то ухнуло, полыхнуло синеватой вспышкой и наступила тишина. Спустя несколько минут в траншею скатился худенький, мелкий человечек, извазюканный в глине полностью. Когда разведчик стер грязь с физиономии, она не стала светлее.

– Это еще кто? – пробормотал спасенный Лэрри парень, едва пришедший в себя. – Он же черный?

– Я тебя про негров спрашивал? – зарычал Арман. – Ты что ответил?

– А откуда он взялся?

– Да мало ли откуда, может, и из зуавов... там вон целый полк за линией фронта полгода партизанил.

Чернокожий парень огляделся и весело спросил:

– Куда это я попал?

– А ты кто?

– Сержант Эмиль Лану, отдельный диверсионный отряд 369-го пехотного полка!

– А, янки!.. Промахнулся ты малость, ваши во-о-он там.

– Да какой из меня янки?! Я же из Луизианы, из Нью-Орлеана. Хотя вообще-то да, наш полк формировали в Нью-Йорке, «Адские воины Гарлема», если кто слышал, командир – полковник Уильям Хэйуорд. А что не в тот окоп забрел, так на то я и Братец Кролик, чтоб чудить. И вообще, пока полз, думал не о том. Кстати, как тут насчет ужина?

Озадаченное молчание было ему ответом.

– Ну вы что, как будто первый день на войне! Не будут они сегодня стрелять, и завтра тоже... Зря я, что ли, туда ползал со спецзаданием!

Лэрри пристально посмотрел на пришельца, переглянулся с Арманом и спросил тихонько:

– Братец Кролик, говоришь?

– Ну да, а что?.. Ого! Парни, я, конечно, догадывался, что и в вашей Европе есть наши, но чтоб сразу двое!..

– Или наши – в вашей Америке, – усмехнулся Арман. – Да, вот они мы, тут тоже при каждом верховном командовании по аналогичному отряду. Правда, швыряют по театрам военных действий, как начальству в голову взбретет... И чем дальше, тем бестолковее.

– Эх, – вздохнул Эмиль, – это я понимаю, сам чуть ли не с апреля бездельем маялся. А вот поручили бы нам самостоятельно операцию разработать, так война бы через пару дней закончилась, верно?

– Ш-ш-ш, не болтай лишнего.

Спасенный Лэрри солдатик продолжал опасливо озираться. И присутствие угольно-черного Братца Кролика явно не способствовало восстановлению его душевного равновесия. Поэтому Арман поначалу предпочел не обнаруживать своей сущности.

А поскольку кашевары наконец-то подогнали ужин, то вскоре общая тревога уменьшилась, а на черного пришельца перестали обращать внимание. От соседней группы солдат доносились обрывки разговора:

– Про эльфов он рассказывал...

– Про кого?! А, про этих... Чего про них говорить? Им до нас никакого дела нет.

– А что, они на самом деле существуют?

– Я ж тебе говорю, им до нас никакого дела нет. Всё зависит от того, когда к ним подойти. Помешал – смахнут с дороги и всё тут. А если вовремя – всё будет отлично. И как тут понять, злые они или добрые? Первый скажет, что они козлы, второй – что они боги. Всё просто, ребята, всё просто...

– Жаль, что они сами по себе...

Лэрри иронично усмехнулся. И тут из темноты донесся низкий вой с перекатами и похрипыванием. Все боязливо втянули головы в плечи. Нет, не все. Братец Кролик с любопытством прислушался, Лэрри остался невозмутим. Арман – отозвался. Темнота помолчала и ответила глухим удаляющимся порывиванием, перешедшим в громкое урчание.

– Не иначе, – ухмыльнулся Лэрри, – боевое немецкое привидение против нас выслать пытались.

– А как с ними сражаться, их же пули не берут! Только серебряные...

– Да ерунда это, шутит он.

– Конечно, – кивнул Лэрри. – Привидения – они интернациональны. Или ты считаешь, что в потустороннем мире у каждого есть паспорт с пропиской?

– Ну вроде того...

– К сожалению, я не обладаю полной статистикой, но пример привести могу. В шотландском замке Гламс на каменном сиденье напротив гостиной королевы Елизаветы обитает слуга-негритенок.

– И за что его прикончили? – фыркнул чернокожий диверсант. – Чересчур много варенья слопал?

– Да нет, ему просто приказали сидеть на скамье и ждать дальнейших распоряжений, а потом забыли. Он просидел целую ночь в холодном коридоре, простудился и умер.

– Тебе не кажется, что мы все, независимо от цвета кожи, сидим в том самом коридоре?

Повисла тяжелая тишина, нарушенная вопросом Джонсона:

– А почему немцы терпят, что ими зверь правит?

– Зверь? – Лэрри обернулся. – Тогда и нами тоже.

– Да ты предатель!

– А как у зверя кузеном может быть человек? Монархи же родственники. Вильгельм, Георг и Николай.

Против этого сказавший ничего возразить не смог, но последнее слово он всё же явно намеревался оставить за собой:

– Конечно, легко рассуждать, когда живешь вечно...

– Думаешь, это большая радость? – немедленно парировал Лэрри.

– Но ты столько живешь, ты же жизнью наслаждаешься! Постоянно! Веками!

– У тебя была любимая собака или кот?

– Ну да.

– Ты был счастлив, когда они умирали? Вот тебе и счастье долгой жизни...

Слепок времени № 12. Всё для победы: чеки и девушки

Товарищ председателя «Общества сближения между Россией и Америкой» Николай Бородин, ихтиолог, член масонской ложи «Чермака», входившей в «Великий Восток народов России», и депутат Думы был во время войны специалистом по использованию искусственного холода для хранения скоропортящихся продуктов. Он вспоминал: «Поездка на фронт летом 1916 года была для меня поучительной. Поручение было из числа пикантных: выяснить причины порчи громадного количества рыбы, поставленной армии Министерством земледелия... Осматривая эти гигантские провиантские магазины с громадными запасами всевозможных пищевых продуктов для всепожирающей миллионной армии, я не мог освободиться от впечатления, что всё это богатство отобрано от массы оставшегося в тылу мирного населения, которое рано или поздно ощутит нехватку во всем этом добре... Но с чем было трудно мириться – это с бесполезной гибелью этого собранного со всех концов матушки России добра. Между тем, не говоря пока о рыбе, я при осмотре складов видел горы подмоченного сахара, риса, сахарей...»

2 марта 1917 года «Рейхсбанк» направил представителям немецких банков в Швеции приказ под номером 7433, который гласил: «Настоящим удостоверяем, что запросы на получение денежных средств, предназначенных для пропаганды прекращения войны в России, поступят через Финляндию. Получателями сумм будут следующие лица: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Суменсон, Козловский, Коллонтай, Стивере и Меркалин, на которых, в соответствии с нашей инструкцией № 2754, открыты счета в филиалах немецких частных банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Эти документы должны иметь две подписи – Дирхау и Милкенберга. Каждый запрос вышеуказанных русских представителей должен выполняться незамедлительно».

22 июня 1917 года Временное правительство, желая поддержать дух наступающих войск, законодательно предоставило право на получение государственного пайка внебрачным семьям солдат. Совет крестьянских депутатов и земельные комитеты Тульской губернии приняли резолюцию: «...рабочих, добросовестно не исполняющих свои обязанности, отправлять на позицию или же не давать хлеба и не принимать в деревню. Подстрекателей на захват и участвующих в захвате высылать из общины и предавать суду как изменников родины, уличенных в краже навсегда высылать из общины и лишать земельных наделов».

В сентябре 1917 года газета «Ведомости Московского комиссариата градоначальничества» поместила материал следующего содержания: «Несколько месяцев назад в Москве сформировался женский батальон смерти, составленный исключительно из девушек-доброволиц, воодушевленных высоким порывом активной защиты родины. Тогда по всей России разлилась волна женского добровольного движения: формировались полки, батальоны, шли на фронт ударные женские роты... Поступали также сведения, что солдаты на фронте выражали недовольство фактом присылки к ним женских батальонов, находя, что им зазорно сражаться в окопах бок о бок с женщинами».

Кому доверить хозяйство?..

Василий привык к грохоту разрывов, треску пулеметов и прочим звукам войны. Привыкнуть к постоянному ощущению человеческого страха и отчаяния было гораздо труднее. Потому что слишком много тут было людей, уставших до безразличия и одержимых не то чтобы жгучим желанием выжить, а наоборот – тяжелым, упорным предчувствием гибели.

Но даже таких людей надо было кормить. В окопной грязи, в сырости и холоде миска горячей каши, котелок супа, кружка чая обретали значение, которое в иное время мог понять лишь тот, кто по-настоящему голодал или всерьез странствовал.

Вот только мир, как когда-то возмечталось, Василий не особо и увидел. Разве что Францию, куда сопровождал полковника Утукина, ездившего к союзникам с секретной миссией. И мнение о своей собственной миссии он невзначай услышал, когда полковник обсуждал с кем-то достоверность сведений о немецкой секретной лаборатории.

– Ну, у нас такая тоже есть, причем не одна, – хмыкнул Утукин. – А какая настоящая, пусть немецкая разведка выясняет. Пусть побеждает, пока мы почву для реального наступления готовить будем.

– А домовый вам зачем понадобился?

– Провиант проверять.

– Чтобы поставщики не мошенничали?

– И это тоже, хотя на всех наших воров-интендантов никаких домовых не нападешь. Но главное, уже известны случаи намеренного отравления вражескими диверсантами и воды, и табака, и съестных припасов.

Действительно, в 1916 году случаи отравления подброшенным немцами табаком и поддельными папиросами русских фабрик стали массовыми. В Галиции австрийцы, отступая, оставляли в окопах и крепостных погребах отравленное вино, а в казармах – чистое белье, пропитанное ядом. Под Барановичами и Сморгонью немцы сбрасывали с аэропланов ядовитые конфеты, сигары, бульонные кубики, пачки кофе.

– Да, ушло время честной войны. Раньше государи мятежников в чужих землях не поддерживали.

Дальше Василий прислушиваться не стал. Побрел заниматься своими прямыми обязанностями. Проверял на очередном складе мешки с крупой, бочки с сельдью, гонял мышей, выводил жучков. Пару-тройку раз не удержался – устроил особо наглым интендантам, поставлявшим испорченную муку и пшено с червями, то, что достопочтенный Бертольд Герстман из Дортмунда еще во времена Петра Великого назвал звучным словом «полтергейст». Интенданты в страхе бежали от падающих кирпичей и табуреток, норовивших дать пинка. Но жульничать не переставали.

Конец войны наступил для Василия, когда немцы прорвали фронт на том участке, где в неглубоком тылу находился инспектируемый им склад. В спешном отступлении про него просто забыли, а вход в хранилище, расположенное в крепостных подземельях, был разрушен и засыпан землей во время артобстрела.

Но Василий об этом не знал. И продолжал неустанно беречь запасы, ожидая, когда они понадобятся...

Слепок времени № 13. Когда к штыку приравняли перо и типографский станок

Во время Первой мировой прямо в рамках обычного цивилизованного мира все разделилось на своих и чужих. Если раньше чужими, по отношению к которым дозволялось всё, были туземцы в далеких колониях или разнообразные мятежники-изгои, то теперь чужаками, которые «не люди вовсе» стали все, кто находился по другую сторону границы или фронта.

До этого отвязными авантюристами и злодеями, которым всё дозволено, были конкистадоры или, позже, регулярные колониальные войска, вынужденные выполнять непростую цивилизаторскую миссию. Теперь в эту категорию бойцов-цивилизаторов включили и часть интеллектуальной элиты, которой по статусу с давних времен полагалось генериро-

вать эталон разума, нравственности и гуманизма. После того как великие писатели стали штатными пропагандистами, шаблоны представлений о дозволенном были изменены навсегда и ремонту уже не подлежали, даже когда умолкла канонада.

Впрочем, писатели в большинстве своем иллюзий не испытывали. Бюро военной пропаганды появилось в Англии в первый год войны, при этом частично работу вели и частные организации. Потом возникло Управление информации, которое возглавил Джон Бьюкен, будущий лорд Твидсмур и автор остросюжетных романов «Тридцать девять ступеней» и «Утренние дворы». В 1927 году Бьюкен стал членом Палаты общин, а в 1935 – генерал-губернатором Канады.

Всеми любимый папа Винни-Пуха Алан Александр Милн являлся сотрудником секретного отдела военной пропаганды МИ-7б (MI7b), который существовал с 1916 по 1918 год. После войны было приказано уничтожить всю связанную с ним документацию. Однако бумаги не сожгли, а намеревались выбросить на свалку как обычный мусор. Их случайно нашел и сберег капитан Джеймс Ллойд, работавший там вместе с Милном. Среди машинописных страниц нашли несколько сатирических стихотворений Милна, который был пацифистом и гордился тем, что не произвел ни одного выстрела по врагу. В стихах он саркастически описывал свою работу – необходимость лгать в статьях о «злых гуннах» и германских фабриках, где перерабатывались на мыло трупы собственных солдат.

Герберт Уэллс, побывавший на передовой в августе 1916 года, признавался: «Я никогда не хотел идти на фронт добровольцем, подвергаться муштре, отдавать честь, защищать железнодорожные мосты и водопроводные трубы от воображаемых немцев, рыскающих по ночам на проселочных дорогах Эссекса, охранять пленных в лагерях и тому подобное, зато один из моих старинных замыслов (“Сухопутные броненосцы”, 1903) воплотился в виде танков...»

Дж. Р. Р. Толкин спасался в окопах от хандры тем, что сочинял несуществующий язык. А впоследствии прославленный автор «Властелина колец» признавался: «На самом деле мой Сэм Гэмджи списан с английского солдата, с тех рядовых и денщиков, которых я знал во время войны 1914 года и которым сам я уступал столь во многом».

Был во время Великой войны забыт обычай не трогать мирных жителей – раньше они могли оказаться случайной жертвой разгоряченных победителей или погибнуть от шального ядра, но целенаправленно их недругами никто не считал. Теперь же врагами стали не только солдаты противника, но и женщины, и дети враждебной стороны.

Тактика выжженной земли, раньше применявшаяся лишь в колониях, пришла в Европу. Но и другие части света, как уже упоминалось, не остались в эти четыре кровавых года без внимания.

На земле Палестины

Во время боев в северной Палестине между союзной экспедиционной армией и немецко-турецкими частями Арман Лугару однажды оказался в маленьком селении, расположенном на берегу крохотного, но при этом пресного озера. Котловина была окружена высокими холмами, которые заслоняли домишки от ветров.

Здесь он снова встретился с Эмилем-Кроликом, который радостно поведал, что правительство Соединенных Штатов прислало в Европу не только солдат, но и большую группу ученых. И ему очень жаль, что он не может сию минуту увидеть, что они там делают.

– Знаешь, – проворчал в ответ Арман, – я уже насмотрелся на то, что способны придумать эти ученые господа. Начинаю думать, что старые добрые времена, когда дрались алебардами и стреляли из луков, были и впрямь не так плохи.

– Но тогда негров, арабов и прочих туземцев не считали за людей вообще!

– А сейчас у них есть все права... в первую очередь право сдохнуть на этой чертовой войне вместе с белыми. И с нами.

– М-да... – Эмиль замялся. – Вот с одной стороны это селение хорошо устроено, вода рядом...

– А что тебе не нравится?

– Горы.

– Разве это горы!

– Всё равно обзора нет.

– На высотах должны быть посты, но ты прав, в этой неразберихе всё может случиться. И посты забудут выставить, и часовые заснут... А городишко, между прочим, прикрывает важное направление.

– Тут мало солдат.

– Должны подойти еще канадцы и, кажется, новозеландцы.

– Хорошо бы. А то тревожно мне.

Арман кивнул. Ему тоже было не по себе с середины вчерашнего дня. Но чем дальше шла война, тем меньше внимания уделялось мнению таких, как он. То, как отмахивался от него генерал Монури накануне Первой Марнской битвы, теперь казалось верхом заинтересованности. Арман вспомнил рассказ Лэрри, как его надежды на научную работу и должность в Адмиралтействе оказались иллюзорными, а сам недавний помощник Резерфорда был отправлен в распоряжение спецслужб, не всегда представлявших, чем он может быть полезен.

Эмиль задумчиво рассматривал покосившуюся каменную башню, которая, наверно, должна была помнить еще финикийцев.

– Что там?

– Наблюдатель сидит, насколько знаю, – пожал плечами Арман.

Эмиль помолчал, потом сказал тихонько:

– А по-моему, его там нет. Там никого нет.

Арман прислушался и понял, что луизианский кролик-оборотень прав. Нету там никого живого. Переглянувшись, они оба со всех ног рванули к башне. Сразу за порогом Арман чуть не споткнулся о два мертвых тела, а потом ему преградил путь рыцарь в ржавой кольчуге, но с опасно блеснувшим мечом. Эмиль выкрикнул фразу на неведомом Арману языке, противник отступил на шаг.

«Умертвие, здешнее, не успокоить – только в камень», – вспомнилась древняя инструкция. Откуда ж ты тут взялся, из крестоносцев небось. И как эти чертовы тевтоны умудрились тебя поднять... Арман полоснул боевым ножом по стене, открывая в ней полость. Эмиль снова обрушил на немецкое особо опасное умертвие, осевшее тут со времен короля Барбароссы, набор гортанных ругательств, а возможно, и вежливую рекомендацию уйти по-хорошему. Арман его родного языка всё равно не знал. Ржавого отшвырнуло аккуратно в стенной проем, который тут же сомкнулся.

– Фух! – выдохнул Братец-Кролик. – Быстрее вверх, а то туман ползет, не успеем посмотреть на перевал.

– Туман?! – Француз ринулся по лестнице, прыгая через три ступеньки.

Наблюдатель был мертв, пулеметчик тоже. А напозавший на селение туман вовсе не был облаком, зацепившимся за вершину горы...

– Газовая батарея! Проморгали!

Пока Эмиль пытался подать сигнал тревоги, стуча какими-то железными обломками и крича бессвязно, Арман развернул пулемет в сторону дороги с перевала. Но ни турки, ни немцы не торопились воспользоваться плодами газовой атаки.

– Когда они успели затащить туда баллоны да в таком количестве? – пробормотал Эмиль.

– Это не батарея, – присмотревшись, резюмировал Арман.

– А что?

– Дракон. Они не только огонь выдыхать умеют.

– Ну, тогда нам конец... Он крылатый или ползучий?

– Взлетит – увидим. А пока не знаю.

Эмиль задумчиво покивал и вдруг вполне расслабленно уселся на пол. Со смешком сказал:

– На башне... над облаком ядовитого газа – прямо как в романе того англичанина. Забавно, правда?

– Забавнее некуда. Этот газ опасен для нас, как и для людей.

– Знаю, мы же дышим, как они. А нож у тебя хороший. Заговоренный?

– Нет, просто мастер хороший делал.

– Выживем – закажу себе такой же.

– Вряд ли. Тот оружейник уже лет триста назад умер.

– Эх, надо было мне раньше подсуетиться! Что там на дороге?

– Ничего.

– Я так и думал, – поежился Эмиль. – Что-то мне совсем скверно. Ты как?

Арман не ответил, вглядываясь в происходящее внизу. На дороге, ведущей со стороны прорыва, и впрямь никого не было, но в ядовитом тумане кто-то двигался. И этот кто-то внушал прямо-таки панический ужас. Арман прислонился к стене, прикрыл глаза, постарался выровнять дыхание. Вроде отпустило немного.

– Ты сказал – канадцы? – пробормотал Эмиль. – Ну, конечно, мне рассказывали. Они его и привезли, уж не знаю как.

– Что?

– Вендиго. Там ходит вендиго. Чудовище северных лесов⁶. Он не дышит, ему газ без разницы.

Взошедшая багровая луна озарила мертвый поселок, дорогу и мелькнувшее в разрыве ядовитого тумана существо, ростом и обликом подобное человеку. Никакой одежды на нем не было – только набедренная повязка, нет, длинная жесткая бесцветная шерсть, похожая на конский волос. Грубая бледная кожа казалась безжизненной, а под ней, как будто, не было ничего кроме плотно обтянутых костей и сухожилий. Ноги-лапы со складками перепонки между длинными цепкими пальцами, на концах которых виднелись белые втяжные когти, были босы. На голове красовалась растрепанная копна жестких бесцветных волос. Огромные тяжелые челюсти на волчий манер выдавались вперед, за черными губами угадывался трехрядный оскал острых треугольных зубов. Глубоко под покатым лбом, полуприкрытые черными веками, сверкали желтые удлинённые глаза в два раза больше человеческих.

– Что он там шастает туда-сюда, время тянет?

– Ну да, – Эмиль натянуто улыбнулся, попытался пошутить: – Согласно первому уставу американских рейнджеров, «индейцы и французы любят нападать на рассвете».

– Главная беда – ему что мы, что немцы, что дракон, всё едино. И даже я с ним не справлюсь.

– Он нас заметил, – на удивление спокойно сказал Эмиль. – Идет сюда.

– Вижу. Заткнись. Ломай перила. Разводи костер.

– Огнем его не...

– Быстро!!!

⁶ Wendigo – монстр из легенд индейцев-алголкинов, персонификация холода, тьмы и паники.

Слепок времени № 14. Последняя Армагеддонская битва

В знаковом ноябре 1917 года разразилась битва за Иерусалим. Обороняли его турки-османы и немцы под командованием генерала Фалькенхайна, а штурмовала британская Египетская экспедиционная армия, которой командовал Эдмунд Алленби, уже успевший выбить турок из Газы и выиграть сражение за хребет Эль-Мугар. В рядах этой армии сражались англичане, индусы, выходцы из Австралии и Новой Зеландии.

8 декабря войска Алленби захватили западный Иерусалим и вышли на южные подступы к Вифлеему. А на следующий день город был взят полностью. Эдмунд Алленби намеревался въехать в Иерусалим на коне, как подобает полководцу-победителю, но потом отказался от этой идеи ради уважения религиозной значимости древнего города. 11 декабря 1917 года генерал Алленби вошел в Иерусалим пешком.

Миновал почти год, и в северной Палестине разразилось сражение, ставшее одним из последних в Первой мировой войне и получившее, что характерно, звучное название – Армагеддонская битва.

Причем, это название точно отражало реальность, ибо местом сражения стала как раз та локация на поверхности Земли, где, согласно Библии, надлежит в последней битве на исходе времен сойтись Добру со Злом.

Наводящее трепет даже на атеистов слово «Армагеддон» произошло от «хар Мегиддо» на иврите, то есть «гора Мегиддо», которая и поныне существует в десяти километрах от города Афул в предгорье Кармель. Когда-то здесь разразилась первая зафиксированная в истории человечества битва – в XV в. до н. э. фараон Тутмос III разбил здесь объединенное войско финикийских правителей. С тех пор местность у холма Мегиддо не раз становилась полем брани. В 1799 году Наполеон, назвавший эту территорию идеально подходящей для битвы, разгромил тут османов.

И вот в сентябре 1918 года при Мегиддо сошлись в решающей схватке османская группа армий «Йылдырым» с примкнувшим немецким контингентом и армия генерала Алленби – всё те же храбрые британцы, индусы, австралийцы плюс французы, итальянцы, армяне... И арабы, приведенные сюда знаменитым Лоуренсом Аравийским. Сражение вошло в историю как последняя битва с классическими кавалерийскими атаками, которые Алленби успешно сочетал с применением самой современной военной техники и авиации. Индусы и австралийцы прорвали османский фронт во многих местах, полностью разрушив связь между подразделениями противника. Вскоре турецко-немецкие силы были разгромлены полностью – только шесть тысяч человек из тридцати пяти тысяч избежали гибели или плена. Кавалерия союзников вместе с арабскими повстанцами устремилась на Дамаск, с падением которого военные действия в этом регионе были окончены.

«Я смутно понимал, что суровые дни моей одинокой борьбы миновали, – вспоминал Лоуренс Аравийский. – Игра в одиночку против странностей жизни была выиграна, и я мог дать расслабиться своим членам в этой призрачной уверенности... Алленби вручил мне телеграмму из Форин офис, подтверждавшую признание за арабами статуса воюющей стороны, и попросил перевести ее на арабский язык для эмира, но ни один из нас не знал, что это значит даже на английском, не говоря уже об арабском языке...»

В 1919 году Алленби стал фельдмаршалом и получил титул виконта Мегиддо. Он был Верховным комиссаром Египта и Судана, а после отставки в 1925 году стал ректором Эдинбургского университета. Его именем назван один из мостов через реку Иордан.

Во время Великой войны погибло почти 65 тысяч солдат – уроженцев Индии, 115 тысяч – из африканских колоний Франции, 59 тысяч австралийцев, почти 17 тысяч –

из Новой Зеландии, 14 тысяч – из немецких колоний в Африке, 10 тысяч китайцев, тысяча выходцев с Карибских островов, 415 японцев...

Эпилог

...О судьбе Армана Лугару из департамента Овернь и Эмиля Лану из Нью-Орлеана официально ничего не сообщалось. Впрочем, ходили упорные слухи, что они, разведя огонь из ветхих кедровых балясин и бросив в него некое снадобье из старинного медальона, призвали Дикую Охоту, которая смела с лица земли и слабоуправляемого монстра вендиги, и самоходную газовую батарею – сконструированного в тайной германской лаборатории дракона с ядовитым дыханием.

«Да я сам видел! Шестерни всякие так и полетели в разные стороны! – при каждом удобном случае уверял благодарных слушателей боец из передового новозеландского дозора, который на свое счастье войти в ту деревушку еще не успел.

От самого селения тоже ничего не осталось. Отравленным насмерть было к этому времени всё равно, зато турки с немцами двинуться туда не осмелились.

Кто-то из офицеров штаба Алленби вроде бы даже заметил Армана и Эмиля, въезжавших в Дамаск вместе с Лоуренсом Аравийским и эмиром Фейсалом. Впрочем, в окружении виконта Армагеддонского излишне болтливых не было.

А жители Нью-Йорка не знали Эмиля в лицо. Но они радостно приветствовали всех «Гарлемских воинов», когда те в парадном строю шли 17 февраля 1919 года по Пятой авеню. Общественное негодование, коим сопровождалось формирование первого «черного» полка, протесты против того, чтобы негры получили привилегию сражаться и гибнуть наравне с белыми, – всё это было забыто. На какое-то время.

Наверняка ведал правду о своих товарищах только Лэрри. Но никому не рассказывал. И даже Джонсон, усердно искавший повод доказать неблагонадежность своего спасителя, тщетно пытался подслушивать его разговоры, но ничего в них не понимал. А подглядеть, с кем беседует мистер Хайд, и вовсе оказывалось невозможным. Даже если голос казался смутно знакомым. В знаменитый парижский ресторан «Серебряная башня», где Лэрри назначил кому-то встречу, Джонсона попросту не пустили. Так что последующей беседы он не услышал.

– Знаешь, я жениться собираюсь.

– Вот горе для местных девиц!

– От кого слышу, от праведника?! – воскликнул Лэрри. – Давно ли ты стал святым?

– Я?!

– Вот и я говорю, что не похоже!

– А кто она?

– Клэрис. Дочка полковника Неллигана, их часть еще до войны квартировала рядом с Манчестером. Я раньше ее считал совсем малышкой. И тут долго не виделись, а потом встретились. Меня словно огнем обожгло: куда ты, дурак, раньше смотрел?!

Лоуренс Джон Хайд вернулся в Англию к концу ноября 1918 года и, намереваясь жениться на мисс Клэрис Неллиган еще до Рождества, обратился за паспортом общего образца, в получении которого ему было отказано.

– Но мне обещали выдать паспорт еще в начале войны.

– У вас есть письменное подтверждение? Нет? Ну, видите... Хотя, если вы намереваетесь вступить в брак, вы можете получить необходимые документы. С одним условием.

– Каким?

– Вы официально признаете, что вы обычный человек, и подпишете соответствующую декларацию. Потому что на поверхности Земли всеми правами обладают только люди. Согласны?

– Нет.

– Тогда мы ничем не можем вам помочь.

– А я – вам. В следующей войне я не участвую.

– Мы обойдемся без вас.

...Через несколько месяцев после окончания Великой войны миллионы людей заучивали фразу «Мы не рабы, рабы не мы» из «Букваря для взрослых».

Тимур Алиев Кинжал

Тонкий серпик луны в ясном ночном небе – словно кривой нож-бейбут на ковре из пестрой овчины. Светится, но не светит. Редкими крапинками россыпь звездочек вокруг него серебрится. И самые заметные среди них семь звезд семи братьев. Когда Алибек на них смотрит, сразу рассказы отца в ночном вспоминает – и про исход на небо семи сыновей богини вьюги, и про тропинку из рассыпавшейся соломы.

Сидит Алибек на расстеленной бурке, голову запрокинув и спиной к шершавому стволу прислонившись, а чтобы не уснуть, пятку одной ноги на носке другой держит. Стоит задремать, как нога соскальзывает, и Алибек в чувство приходит. Еще хороший способ не спать – покалывать себя чем-то острым. Так и делает юноша – висящим на поясе кинжалом тычет себя в бедро для бодрости. Наступает час, когда всё живое замирает – и лошади в стойлах перестают жевать, и собаки сворачиваются в кружок, прикрываясь хвостами, а в сон тянет даже тех стариков, что всю ночь кряхтят и ворочаются.

Но Алибеку нельзя спать, волка двуногого он стережет. Выжидает, когда пройдет мимо него тайной тропой из аула абрек Увайс. Долго парень искал удобное для себя место. И нашел. Прямо здесь лесная дорожка расширяется, переходя в покрытую густой травой поляну, – есть, где двум мужчинам развернуться.

Слева доносится шорох. Ветер? Нет. Всадник выезжает на поляну, едет, не скрываясь, даже башлык на голову не накинул.

– Эй ты, сын шакала, – медленно окликает его Алибек, выходя навстречу.

От неожиданности лошадь всхрапывает, да и наездник пугается, дергается в седле. Однако быстро успокаивается – одиночка ему не страшен, – лишь поглядывает по сторонам, коварного выстрела опасается. Потому и винтовку, что под правой рукой дулом вниз висит, в ход не пускает. Не верит он, что Алибек один, засады стережется.

Широко расставив ноги, кладет Алибек правую руку на рукоять кинжала. Всё! Вызов брошен. Даже света звезд достаточно, чтобы абрек увидел жест парня.

Но не принимает вызова Увайс, пускает коня прямо на парня, словно грудью хочет сбить его. Проворный Алибек плавно уходит с пути. Он мог бы sluкавить, крикнуть, что сидит в засаде человек с ружьем, и, если не сойдет Увайс с лошади, то лишится ее навсегда. Однако не поворачивается язык у юноши на нечестную речь. Мнетса Алибек, а абрек принимает его колебание за нерешительность и страх.

– Сопляк, – бросает Увайс, с презрением оглядывая парня. – Хочешь заработать на волке?

Кривится Алибек – хотя и молод, а понимает: на совесть бьет абрек, на награду в сто рублей за свою голову намекает – дескать, продать хочет его парень. Нет, не деньги нужны юному мстителю. И не поддастся он на уловки коварного врага.

– Шакал ты, а не волк. Падаль ешь. Отдай кинжал, что ты украл у отца! – кричит Алибек.

– Это мой кинжал. Я забрал его по праву победителя, – уверенно отвечает Увайс.

– Нет! Этот кинжал принадлежал еще отцу моего отца и семи поколениям моих предков, – возражает Алибек. – А ты вор! И убийца. Ты ударил отца в спину.

И не выдерживает Увайс оскорблений, спешивается с коня. Понимает: винтовкой парня не запугать, это ясно, стрелять в него – подло, с коня же биться несподручно, даже свесившись в седле. Да и не до трюков ему таких сейчас – живот полон вареного мяса и галушек, что наелся он у вдовы в ауле.

Легко – словно и не весит с годовалого бычка, – спрыгивает с лошади опытный в стычках Увайс, чувяки лишь траву приминают. Тоже кладет руку на рукоять. Ту самую, родную, отцовского кинжала.

Скрипит зубами Алибек при виде жеста – оскорблен он за память предков, и в ответ выдвигает свой кинжал из ножен. Бой начинается. Показать обнаженный клинок всё равно что взвести курок, следующее действие – выстрел. Когда кинжал покидает ножны, впустую им никто не размахивает.

Стремительно сближаются противники: кинжал – оружие ближнего боя. Один удар, одно движение могут решить исход схватки. Только не может понять Алибек – враг идет на него, всё так же держа ладонь на рукояти висящего на поясе кинжала. Что задумал коварный абрек?

Вдруг вспоминает юноша уроки отца – смотреть нужно не на руки, а в глаза, они выдадут, если враг что-то задумал. И спасается в последний миг. Будто огонек пробегает в зрачке Увайса, и Алибек резко падает в сторону, уходя от нападения, лишь молния обжигает предплечье. Увайс таки зацепил его! Но как?

Смеется хитрый враг при виде опрокинувшегося на спину Алибека. Уверен, что победил, даже не спешит добить. Что есть сил вглядывается парень в абрека, и с трудом в темноте замечает – зажат в его левой руке кинжал – простой, черный, без всяких украшений, и оттого удобный для грязной работы убийцы. Вороненый клинок не отсвечивает, рукоять из абрикосового дерева черна как душа владельца, да и ножны, обернутые шагреновой кожей, под стать кинжалу.

Как же он забыл? Левша ведь Увайс. И бьет обычно слева. А правую руку положил на другой кинжал для обмана.

Жжется рана чуть выше локтя. Ничего страшного, удар по касательной прошел, просто порез глубокий, а на земле Алибек оказался от неожиданности и силы атаки. Неудачно, причем, упал, прям о камень саданулся. Острая грань под лопатку пришлась, аж дыхание перехватило. Стиснув зубы, чтобы крик не вырвался, приходит он в себя. Но Увайс этого не знает, думает, повержен противник, гримасничает от боли. Прикинуться бы сейчас Алибеку тяжелораненым, да снова гордость не позволяет.

Увайс тем временем отсмеялся, готов добить. Словно коршун с налета бьет распластанного Алибека: в глубоком приседе на одно колено, опуская кинжал сверху. Метит он в сердце, но Алибек быстро собирается и резко откатывается в сторону, уходя от удара. Однако занесенную руку уже не остановить, кинжал ударяет о булыжник, что притаился в траве, и с жалобным звоном вырывается из руки, отлетая в сторону. Силен абрек, мощное запястье слегка дрогнуло, когда другой мог бы вывих заработать.

Зато лишился своего грязного инструмента абрек. Отлетел в сторону кинжал, затерялась темная полоса стали в черной в свете луны траве.

Впрочем, и у Алибека положение не лучше. Его кинжал блестит на земле: и недалеко, шагах в пяти всего, но не позволит ему Увайс поднять оружие, вот-вот обрушится на хрупкого юношу всем телом.

Рывком вскакивает на ноги Алибек – проворство его оружие – и всё равно опаздывает: Увайс заступил дорогу, загораживая путь к кинжалу. Переминаются с ноги на ногу враги, тяжело дышат – всего пару минут как бьются, а столько сил уже ушло.

Понимает Алибек: чем больше он медлит, тем скорее отдышится мощный соперник. Странно только: почему не спешит он вытаскивать из ножен кинжал отца, что так и висит у него на поясе? Забыл, что ли, про него?.. Но в любом случае нужно действовать, пока абрек в запале. Конечно, если следовать традициям чеченской борьбы, когда соперники борются исключительно в стойке, не выдержат Алибеку против кряжистого, как утес, Увайса. Значит, снова нужно вспоминать уроки отца, что учил сына приему кунака-казака. Пришло

время воспользоваться подарком. Головой вперед, вытянув руки, бросается парень в ноги абреку, хочет дернуть его на себя, свалить на землю, а там перескочить и добраться до кинжала.

Коварна росистая трава, чувяки пропитались влагой и соком, еще и скользят так не к месту. Растягивается на земле юный мститель, оказываясь беззащитным перед нависшим над ним абреком. Всё, удар неминуем, сжимается тело в ожидании смертельного исхода. Но что-то медлит Увайс вонзить кинжал в спину. Успевает прийти в себя Алибек, перекачивается в очередной раз вбок и, пораженный, видит, как выхватил Увайс обратным хватом кинжал, чтобы удобно, в два движения вверх-вниз вонзить ему клинок в спину, но вместо этого по немыслимой дуге ударяет себя же в грудь. С хрустом сминаются ребра – удар столь силен, что клинок насквозь пробивает грудину чуть ниже сердца. И рушится на землю Увайс с вонзенным в грудь кинжалом отца.

Застыл в недоумении Алибек, шепчет слова молитвы, благодарит Всевышнего, древних духов, что спасли его от неминуемой гибели, направили руку врага против него самого.

Внезапный стон перебивает его. Жив еще Увайс, хотя жизнь и утекает из него тонким ручейком. Из рта струйка крови показалась, хрип мешается со словами. Алибек рядом присел, слушает сбивчивую речь умирающего, ждет, чтобы ясин над телом прочитать.

– Забери свой... кинжал... Не надо мне его было брать... Знал ведь... Зачем взял?.. Не покорить дух... Тебя защищает... Забери...

Замолкает абрек, откинута его голова, глаза закатились. Вот и всё, свершилась месть, а кинжал вернулся к законному хозяину.

Бережно, обхватив рукоять двумя пальцами, словно хрупкий цветок, тянет Алибек оружие, вытаскивает из раны. Темен клинок от крови абрека, мрачно молчит его дух. Несколько раз втыкает парень в землю кинжал – пусть очистится он, пусть со сгустками крови уйдет и свершившиеся им зло.

– Спасибо тебе, кинжал! – шепчут его губы и расцветают в улыбке, когда в ответ в пальцах, стискивающих рукоять, ощущает Алибек легкое покалывание.

* * *

Густеет бульон в котле, вырываясь клубами вкусного пара, и словно пчелы на мед стягиваются к кухне добровольцы. Собираются кучками, балагурят, посматривая в нетерпении на повара, что невозмутимо следит за мясом. Пять котлов на четыреста с лишним человек всадников Чеченского полка, что входят в Кавказскую туземную конную дивизию. С «германом» собрались воевать. Кто такой, мало кто знает, но, видно, плохой человек, раз жить спокойно не хочет.

Рядовые, или «всадники», как уважительно называют добровольцев, сплошь чеченцы из двух округов – Грозненского и Веденского. Урядники, сотники и прочее начальство – вперемешку русские, казаки, чеченцы, другие кавказцы. Командира добровольцы пока не видели, не прибыл он еще, а в его отсутствие распоряжается адъютант полка – щеголеватый Тапа Чермоев с лихо закрученными тонкими усиками и слегка сдвинутой набекрень папахой. Для чеченцев он свой – одной всё ж крови. Для казаков и русских свой – потому, что в конвое Его Величества успел отслужить. Со всеми Тапа общий язык находит. А без этого никак – и так не всякий день без стычек обходится. Добровольцы как один парни задиристые, дерзкие, друг другу дорогу не уступят, вот и рубятся чуть что.

Алибек держится особняком, он тут один из своего аула, знакомых никого. Но посматривает по сторонам с интересом.

Вот весельчак и остролов Мох как обычно рассказывает о своих подвигах. Юркий и проворный как воробей, хотя и зовут его ветром в переводе с чеченского. Только какой

он ветер, так, легкий сквознячок. Никто его Мохой и не называет, все Хозой – воробьем – кличут. Всеобщий любимец он во взводе, но, что удивительно, тянется к немногословному Алибеку, дружбу свою навязывает.

Впрочем, Алибек тоже в сотне не из последних – правофланговый, самый рослый в полку. А если взглянуть на его широкие плечи при тонкой талии, да горделивую осанку, то не удивительно, что командование при проверках из штаба постоянно его в пример ставит.

Вообще же все ребята как на подбор – рослые, стройные, плечистые. Один Хоза воробушкой посреди голубей скачет. Но у него своя заслуга – на сборах такую джигитовку выдал, что комиссия только головой качала, и взяли парня аж в первую сотню.

Толпятся всадники у котла, втягивают носами вкусные запахи. Понять можно – устали, проголодались, с рассвета учатся премудростям – рассыпаться в лаву, нестись единой цепью. Для непривычных к дисциплине горцев такие маневры как нож под ребра – болезненно и неприятно, хотя и не смертельно. Ни личной удали показать, ни прежние навыки применить – хоть заново учиться на коне скакать. А и приходится – не привыкли горцы сидеть прямо в седле, то направо, то налево свешиваются, и при дальних переходах сбивают лошадям спины. Это что коней касается. А сабельный бой? Заставляют командиры лозу рубить, а горцы – ни в какую, что за ребячество, палки рубить, игра это, что ли? Вот будет сражение – там другое дело.

Притом парни все тертые, им терять нечего. Набирали-то охотников. Разные люди съехались – кто от крови прячется, кто удаль показать хочет, кто за длинным рублем пришел. Жалованье неплохое, всё ж таки двадцать рублей в месяц, да за такие деньги в родном селе можно в большие люди выбиться, дом на равнине справить, быка, и не одного, купить. Правда, с лошастью и амуницией нужно было прийти своими. Потому кого-то общество собрало, кто побогаче, своим рискнул, а кто, как Алибек, добыл в схватке.

Впрочем, сам парень о стычке с абреком не распространяется. Он ведь даже до дома не добрался в ту ночь, с близкими не попрощался. Ночевать не стал, оседлал коня Увайса и спустился в долину, понимая, что в родных местах рано или поздно искать его начнут. А рано утром наткнулся на отряд вербовщиков во главе с поручиком Смирновым, что возвращались в город из горных аулов. Не стал раздумывать, вместе с ними в Грозный и двинулся. Уже тут коня на рынке у одного казака сменял. Не мог на Увайсовом коне он спокойно сидеть, душа переворачивалась, стоило вспомнить распростертое тело абрека. Новая лошадка так себе, зато о прежнем владельце не напоминает. И пускай сам Увайс немало людей в другой мир отправил, но на то он и разбойник. А Алибек другой. Эх, скорей бы куда-то подальше отсюда, чтобы в сражение...

Заиграли вдруг дудки, забили барабаны, побежали командиры.

– Стройся!

Новый командир наконец приехал. За последние две недели Алибек совсем запутался в начальстве. Урядники, сотники, командиры – все нарядные, в серебряных погонах, в цветных бешметах и черкесках. И все требуют честь отдавать. Вначале возмущались, потом плюнули, поняв, что бессмысленно заставлять всадников прикладывать руку к голове. Горец скорее сделает вид, будто не заметил офицера, да мимо проедет...

Вот и сейчас всадники неторопливо тянутся к лошадям, а бегают более привычные к дисциплине казаки, подгоняя горцев. Те же вышагивают не спеша. Куда гнать, не война же. Ломаной линией выстраиваются они перед покрасневшим от гнева командиром – строй никто не держит, лошади подгарцовывают на плацу.

– Эй, где твоя пика?! – Густобородый, в светлой черкеске командир подъезжает к Мохе. Тот в ответ недоуменно пожимает плечами – то ли вопроса не понял, то ли дурака валяет.

– Ты что мне тут? – еще гуще багровеет командир, оглядываясь на едущего сбоку адъютанта полка. Чермоев переводит вопрос Мохе. Тот неожиданно отвечает на ломаном русском:

– Палка зачем мини? У мини оружие есть, – он поднимает кинжал. – А палка я выкинул... к... матери.

Хохот сопровождает его ответ. Скрипнув зубами, командир молча следует дальше, ругаясь под нос.

Впрочем, как только официальный смотр заканчивается и всадники начинают показывать свои воинские навыки, командир забывает о своем недовольстве, в восхищении оглаживая свежесбрившую голову под казачьей папахой. Подполковник – солдат не из паркетных, повоевал за свои тридцать пять лет знатно.

А посмотреть есть на что. Одна за другой сотни совершают марши, роют окопы, преодолевают препятствия, перестраиваясь по сигналам трубы, делают перебежки, стреляют, колют чучела. Затем приходит черед рубки. Всадники посотенно выстраиваются в два ряда и по очереди скачут к лозам, снося их направо и налево, и пристраиваются к своим с левого фланга.

Моха, как всегда, чудит. Стоит он последним и без пары. Когда же, наконец, очередь доходит и до него, всадник разворачивает свою лошадь и направляет ее прямо на сидящую за столом, крытым зеленым сукном, комиссию. В ужасе командиры смотрят на приближающегося джигита, какой-то корнет пытается выскочить наперерез и перехватить коня, но Моха огибает его ловким маневром, а перед самым столом дает таких шенкелей скакуну, что тот взлетает над пригнувшимися офицерами и приземляется уже за их спинами. Штаб-офицеры, не стеснясь, кроют удальца трехэтажным матом на нескольких языках сразу, а командир полка хохочет изо всех сил и несколько раз хлопает в ладоши, отдавая дань уважения мастерству наездника. Из всех сидящих за столом он один не втянул голову в плечи и не нагнулся, когда Моха пролетал над ними...

Полк снова выстраивается на плацу. Чермоев довольно щурится: смотр прошел успешно, подполковник доволен, остались лишь мелкие формальности. И тут командир подъезжает к правофланговому.

– А что, удалец, правду ли ваши кинжалы так хороши, как говорят? Что не хуже булатных клинков они?

Молчит Алибек, глазом косит на командира, не понимает, какого ответа ждет тот от него. В разговор снова вмешивается Чермоев:

– Истинная правда, Александр Сергеевич. Я знавал умельцев, что бурки одним ударом половинили. Железо как масло режет.

Морщится подполковник:

– Вы, Абдул-Меджид Орцуевич, погодите пока. Пускай сам молодец покажет, что его кинжал может.

Делать нечего. Не хотел бы Алибек впустую отцовский кинжал из ножен доставать, но и честь горца уронить нельзя.

Приносят откуда-то две винтовки – «мосинки» с гнутыми стволами и без штыков. В бой с ними уже не идти, так что и жалеть нечего. Укладывают между двух чурбаков, сотник командует Алибеку:

– Ну, давай, не посрами честь полка!

А у Алибека пальцы судорогой свело – не желают они тащить клинок из ножен. Словно какая-то неведомая сила держит его там, заклепала так, что и не отодрать. Никакие молитвы и воззвания не помогают парню – намертво сидит кинжал.

– Давай! – орет командир почти в ухо, и не выдерживает Алибек. Напрягая все свои силы, выдергивает он кинжал и, блеснув в воздухе серебряным орнаментом, обрушивает его на ненавистную сталь.

– Блямс!

Металлический лязг далеко разносится по плацу, возвращаясь эхом. Винтовки же остаются лежать невредимыми, получив лишь еще по одной выбоине. Зато рука Алибека с кинжалом отлетает, словно отброшенная взрывом, странно переламываясь в плече. Похоже, вывихнул сустав всадник. Однако сам парень не чувствует боли. С ужасом смотрит он на огромную выщербину в лезвии, понимая, что больше не чувствует знакомого покалывания в сжимающей кинжал ладони.

Не видит Алибек, как сочувственно кивает ему подполковник, досадливо морщится Чермоев и переглядываются между собой однополчане. Всё и всех заслонила ему эта выбоина в клинке, и ощущает он пустоту где-то внутри себя, словно не кусок металла, а часть души вдруг отлетела от него с громким «блямс».

* * *

Третий день нудит мелкий дождик. До печенок пробрал, сил нет терпеть сырость. Бурки и папахи вдвое тяжелее стали, пропитавшись влагой.

Странные места эти Карпаты. Вроде как горы, а вроде как и нет. Другие они для кавказцев. Запах иной, леса иные, даже реки по-особенному журчат.

Однако начальство считает: горцев – в горы, там им сподручнее воевать будет. И в чем-то оно право. С детства привыкают горцы взбираться на отвесные скалы, наигрались еще подростками, кто выше взберется или кто дальше на коне перед кручей остановится. И кони у них приноровились к подъемам.

Но вот к чему так и не привыкли чеченцы, так это к дисциплине. Всё норовят друг перед другом покрасоваться. Командиры, устав запрещать и наказывать, нашли применение горской удали – стали в разведку отправлять. Сколько уже молодцов себя героями показало, не счесть. Абдул-Муслим на пару с Амалом вызвались разведать, есть ли противник в одной деревеньке, еле ноги унесли оттуда, на целую дивизию напоровшись, но зато вызнать всё успели. В другой раз сам командир лично отправил четверых – Чингиза, Сайпуди и Эльмурзу вместе с казаком Семеном – в деревню узнать что там и как, а те такой тарарам устроили – в одну халупу ворвались, где австрияки сидели, а их аж двенадцать человек с винтовками оказалось, ну и повязали всех. Понятное дело, всех георгиевскими крестами наградили.

Вот и Алибеку как-то «птица» досталась – георгиевская медаль с изображением герба – двуглавого орла, что для магометан без изображения православного Святого Георгия делается. Ворчат всадники – зачем птица, пусть джигит будет.

Не раз «языка» приводил Алибек, дорогу разведывал, собой рисковал, а убивать никого не приходилось. И ведь лезет парень в самое пекло, надеясь, что отомрет в бою его кинжал, почувствует он, наконец, знакомую дрожь в рукояти, но тщетно. Не возвращается жизнь в клинок, остается он обычной железкой вроде тех кривых ножей, что каждому солдату в армии выдают.

И вот снова разведка. Не просто деревня на пути полка, большой город в предгорье Карпат – гряда теряется в тумане где-то за горизонтом. Одетый в камень город – словно древний некрополь из родных мест Алибека. Булыжные мостовые, здания с высокими шпилями. И ни единого человека на улицах – город будто вымер. Некрополь как есть. Но не доверяет подполковник обманчиво-туманной тишине, не спешит вводить полк, а кидает вначале клич – кто готов разузнать, что и как.

Опять Алибек в первых рядах. Вездесущий Моха увязывается за ним. А где эти двое, быть веселой потехе, и, значит, еще с десятков любителей горячих стычек вызывается в разведку. Всадники отправляются налегке – полы черкесок приторочены к поясам, кинжалы наперевес – вот и всё оружие.

Минуют притихший в ожидании зимы и холодов лесок – даже мокрая палая листва уже не шуршит под ногами, – выходят на открытую местность. Туман всё густеет, значит, река близка, а за ней и городские ворота. Проходят по горбату мосту, всадники дивятся – мост каменный, тяжелый, а не падает, – вступают под свод старинных крепостных ворот.

Едут, озираясь по сторонам и вверх – если где ждать засады, так здесь – в каменном мешке. Тишина полнейшая, только цокот копыт раздастся, да легкое позванивание уздечек. И едва въезжают сквозь ворота в город, как из-за ближайших башен раздается дружный ружейный залп. Засада! Несколько всадников слетают с седел, Моха падает вместе с конем, успевая спрыгнуть в последний миг.

Алибек едет первым, лишь по какой-то чудесной случайности ни одна пуля его не задевает. Что делать? Бьют с двух сторон, скрыться некуда. Вернуться на мост? Чтобы стреляли в спину? Да никогда.

С громким «Алла» бросает он вперед коня, оголенный клинок в руке. Еще несколько человек поспешает следом, Алибек машет им на башню напротив. Чувствует, даже не видя, как уходят остальные вправо, но сам уже не останавливается. Огибает башню и едва не застывает на месте от неожиданности – вся улица запружена фигурками в грязно-зеленых мундирах. Австрияки! Одни спешно перезаряжают ружья, другие прикинули к бойницам старой башни.

Отступать поздно. Алибек еще сильнее пришпоривает коня и несется на ближайшего солдата. При виде страшного горца маленький, узкоплечий австриец с густыми усами держит магазин своего «манлихера», пытаясь побыстрее перезарядить его. Ружье, что с прикнутом штык-ножом чуть ли не больше самого солдата, почему-то заело и не поддается. Отчаявшись, австриец выставляет его перед собой, надеясь уколоть длинным клиновидным штыком надвигающегося всадника. Но Алибек в запале отмахивается кинжалом и летит дальше, даже не замечая, что напрочь перерубил штык.

Не прерывая свой яростный клич, свесившись с седла, Алибек кружит, как шаровая молния, по узким улочкам, неся смерть врагу. Конь, весь в мыле, делает огромные скачки, перенося своего грозного седока – заросшего густым волосом, сливающимся с ворсом мохнатой папахи, – от одной стычки к другой. Выстрелы почти не тревожат горца – редкие пули успевают за его стремительным ходом, иногда пробивая слух неприятным свистом возле уха.

Кинжал в руке Алибека – будто меч из легенды, что способен рассечь скалу, он рубит, режет, колет, не разбирая металл или дерево перед ним. И плывет за горцем темный шлейф из страха и ярости. Неуязвимый для смерти всадник внушает такой ужас австрийцам, что, бросая винтовки, горохом сыплются они с башни, бегут врассыпную, вопя от страха и беспомощности. Улочка, только что запруженная солдатами, опустевает в несколько минут.

А наконец-то ощутивший знакомый зуд в ладони Алибек ликует и теряет всякий контроль над собой. Где враг? Где достойный противник? Мечется на пяточке всадник, не находит никого. И вдруг, словно наткнувшись на невидимую стену, резко останавливает он коня, увидев нечто поразительное.

Широко расставив крепкие ноги в красных штанах, стоит перед ним натуральный великан. На две головы выше, чем сам Алибек, причем шапка с пером роста только добавляет, и в плечах пошире. Черные усы – каждый чуть ли не в ладонь длиной – лихо закручены кверху, мрачный вид придают. Темно-синий мундир едва сходится на мощной груди, расшит золотом. На поясе массивная сабля висит, рукоять серебряной нитью обвита. С другой стороны – тонкий кинжал с серповидной гардой и таким же хвостовиком.

Австрийский гусар! Сотне Алибека пока с ними в сражение вступать не доводилось, только видели как-то издали, как летели гусары по полю, словно стайка разноцветных птичек. А этот, судя по богатому убранству, еще и офицер, да, небось, и из дворян. Не зря кинжал на пояс прицепил, хотя он гусарам не полагается.

Австриец тем временем рукой делает жест, будто лошадь за уздечку осаживает, и головой при этом качает. Намекает, чтобы с коня слезал, понимает Алибек. А гусар еще и револьвер из кобуры вынимает и в сторону откидывает, саблю заместо него из ножен тянет.

Спешивается Алибек. Сам же искал противника, вот и нарвался, как бы теперь головы не сносить. И без всяких ритуалов и церемоний – это ж война, а не дуэль – бросается он с кинжалом на гусара, надеясь на внезапность нападения. Но австриец уже саблю выхватил, легко крутит ее перед собой – никак не подобраться. Кружит тогда вокруг великана горец, словно в танце, ноги его так и мелькают, то в одну сторону уходит он, то в другую, а потом раз и удар с разворота. Гусар только успевает поворачиваться, топчется на месте, как медведь на ярмарке, но близко горца не подпускает.

Делает стремительный выпад Алибек, приседая на левое колено и пытаясь поднырнуть под звенящий круг, что образует в воздухе сабля гусара. В последнюю секунду уходит австриец с линии удара, отбивает укол с жалобным звоном. Конец пришел его сабле. Лишилась она большей части клинка, один эфес с жалким огрызком остался у него в руке, срезал остальное кинжал.

Отбрасывает в сторону испорченное оружие австриец, вытаскивает из ножен кинжал. Странно волнообразная форма у клинка, никогда такой Алибек прежде не видел. И клеймо мастера интересное – горец его почему-то способен отчетливо разглядеть с нескольких метров – два скрещенных меча.

Начинает вдруг вибрировать в руке Алибека кинжал, тревожно гудит он, вселяя в душу парня сомнение и трепет. Понимает горец: почувствовал его кинжал достойного соперника – у врага такое же родовое оружие, что поколениями впитывало память воинственных предков, вбирало в себя их души, превращаясь в живое существо из металла, как и у него. Не просто солдаты двух армий сошлись сейчас в противоборстве на тесной улочке старинного города посреди древних карпатских гор. Нет, две истории, два древних рода столкнулись между собой, и идти дальше сможет только один из них. Пришел тот час, когда жизнь как ярмарочный плясун на веревке стоит на одной ноге над пропастью смерти, и всё умение нужно сейчас приложить канатоходцу, чтобы выстоять и добраться до спасительного края обрыва.

Отводит в сторону руку с кинжалом Алибек, распрямляет ее, смотрит противнику прямо в глаза и ждет – ну-ка прояви себя, гусар! Непоколебим как скала австриец, ухмыляется лишь в густые усы. Не выдерживает азартный горец игры в гляделки, срывается с места, набегает на врага, чтобы в двух шагах от него сильно оттолкнуться и, взлетев над землей, занесенным над головой кинжалом как соколом – сверху вниз – ударить гусара в грудь. Уклоняется от удара гигант, делает шаг влево, а упавший в полуприседе горец вонзает клинок в мостовую, попадая между двух булыжников. И тут же, не вставая, с разворота, рубит врага кинжалом по ногам. Но тот снова готов к обороне, резко поднимает ногу, на которую нацелен кинжал, и сам делает несколько рубящих ударов наотмашь. На счастье Алибека, движения гусара слегка размашисты и парень успевает уклониться, а затем сам переходит в нападение, чередуя колющие и рубящие удары. В какую-то секунду кинжал даже достигает цели, слегка царапая щеку австрийца, и застывая у его горла. Всего одно усилие нужно сделать, чтобы острие рассекло кожу и мышцы, и из шеи врага ударил кровавый фонтан. Однако доли секунды не хватает: Алибек слишком сильно приблизился к австрийцу, и тот толкает его грудью, опрокидывая на спину. Оказавшись на земле, проворный горец быстро откаты-

вается в сторону и прыжком становится на ноги. Снова и снова, отходя и атакуя, кружат они с гусаром в смертельном танце.

Ничего не может поделать с недругом горец, сил остается всё меньше, дыхание учащается, сбиваясь на хрип. Еще пару минут, и Алибеку придет конец. Он и так удивительно долго стоит против столь грозного врага, и только благодаря отцовскому кинжалу, что направляет его руку, заставляя двигаться именно так, а не иначе.

– Помоги мне, отец, – взмаливается про себя Алибек. – Пусть я не уйду неотомщенным, как я не дал это сделать тебе.

И будто порыв холодного ветра обдаёт парня. На мгновение мысли его обретают ясность и прозрачность родникового источника, и он словно видит, что должен делать.

Остановившись и широко расставив слегка согнутые в коленях ноги, он замирает, зажав кинжал в вытянутой руке, и дождавшись, когда обрадованный капитуляцией парня гигант приблизится и занесет руку для удара сверху, резко распрямляется, уходя за спину врагу, и оттуда, снизу и сбоку, через подмышку гусара, полосует его по горлу.

Брызгает струя теплой крови, содрогнувшийся великан на мгновение застывает, а затем медленно начинает оседать на землю, увлекая за собой и горца. И только мелькает мысль у парня – «а почему падаю я?», как он тоже опускается рядом. Кинжал гусара наискосок разрубил ключицу и плечо Алибека, добравшись до сердца и лишив его жизни.

В смертельном объятии рушатся бойцы на землю, щедро орошая ее своей кровью, а их клинки в последнем боевом приветствии ударяются друг о друга и с прощальным звоном разлетаются на куски.

Но уже не видит Алибек гибели своего кинжала, как не видит он рыдающего над его телом Моху, не слышит стука подков родного полка, входящего по расчищенной от врага дороге в древний прикарпатский город.

Майк Гелприн

Чертовка

Вам, милостивые государи или государыни, в Санкт-Петербурге случалось ли бывать? По всей видимости, нет. Напрасно, занятый городишко.

Я бывал в нем трижды. В первый раз в 1824-м, прибыл как раз накануне наводнения. Что за чудо это наводнение, должен вам сказать. Людишки мёрли как мухи, только успевай. Да-с. Вторично посетил я эти места в 1905-м, но задержался всего на сутки. Вам, почтенные, про Кровавое воскресенье приходилось ли слышать? Нет? Я так и знал. Поверьте на слово, это было шикарное действо, со времен Варфоломеевской ночи ничего подобного не припомню.

Ну а в третий раз занесло меня в этот городишко аккурат вчера, и назывался он уже Петроградом, потому что шла большая война с германцами. Война, достопочтенные! Война! Самое чудесное время, благодатное, изобильное. Наутро я не отказал себе в удовольствии не спеша прогуляться по Невскому, плюнул на площадь перед Казанским собором, дал пинка зазевавшейся гимназистке и подставил подножку дьячку так, что тот загремел тощей мордой в грязь.

К полудню добрался я до Дворцовой. Здесь, в палатах Зимнего, стараниями недалекого государя был разбит госпиталь на тысячу коек для нижних чинов. В этом заведении мне предстояло обосноваться надолго.

Я не представился, виноват. Поверьте, не потому, что с годами подрастерял хорошие манеры. А всего лишь оттого, что имен у меня было множество, и всех вы наверняка не запомните. К примеру сказать, в Греции звался я Валериосом, в Испании – доном Валерио, во Франции и вовсе месье Валье. Ну а в России – Валерьяном Валерьяновичем, прошу любить и жаловать. Для друзей – просто Валерьяшей, но так как друзей у меня нет и, даст черт, не будет, попрошу без фамильярностей.

Так я госпитальному Хранителю и сказал, едва переступил порог и отвесил небрежный поклон.

– Валерьян Валерьянович, к вашим услугам. Прошу величать исключительно полным именем, понятно вам?

Хранитель не ответил, и я поднял на него взгляд. Ей-черту, я бы предпочел видеть визави кого-нибудь другого. Он, правда, наверняка тоже. Так или иначе, скрестив на груди руки, растопылив белесые крылья за спиной и нацепив выражение надменного превосходства на холеную благостную ряшку, на меня пялился господин э-э...

– Как нынче вас величать? – не стал гадать я.

– Михаилом Назарьевичем, – снизошел до ответа этот ханжа.

С Михаилом Назарьевичем впервые столкнулись мы во Флоренции, веков эдак шесть назад, во время чумы. Правда, звали этого хлыща тогда синьором Микаэло, носил он белую складчатую дерюгу до пят и чертовски здорово управлялся с игральными костями. Обыграл он меня вчистую, до сих пор не могу забыть глумливый смешок, летящий мне в спину, когда я, несолоно хлебавши, убирался из чумного города прочь. Я взял у него реванш в Париже, в 1871-м, на углу улицы Седан и бульвара Ришар-Ленуа. Звали его тогда месье Мишелем, и мы сидели друг напротив друга на развороченной мостовой, а версальские гвардейцы сосредоточивались под арками для атаки на баррикаду.

– Аверс мой, – заказал он.

Я щелчком запустил в воздух серебряную монету в пять франков, и мы с месье святошей уперлись в нее взглядами. Мгновения растянулись, монета, крутясь волчком, словно

зависла в воздухе и упорно не хотела падать, но потом упала-таки, и мы оба подались к ней, едва не столкнувшись лбами.

– Реверс! – объявил я.

Секунду спустя гвардейцы метнулись в атаку. Получасом позже я с гордостью смотрел на ссутулившегося и закрывшего руками лицо месье Мишеля, на безвольно поникшие белевые крылья у него за спиной, а уцелевших коммунаров оттаскивали от баррикады в сторону и одного за другим ставили у побитой пулями кирпичной стены...

– Ну-с, – сказал я, оборвав воспоминания. – Что творится в этом чертоугодном месте?

– Богоугодном, – поправил Хранитель. – Сами осваивайтесь, господин хороший, у нищих духом слуг нет.

Я пожал плечами и двинулся прочь, оставив святошу в тылу. Вам, уважаемые, про ангелов-хранителей читывать приходилось ли? Что, дескать, у каждого человечешки свой? Если читывали – забудьте: это, стесняюсь сказать, брехня. Хранитель один – один на всех, и его удел – противостоять такому, как я.

В Николаевском зале я насчитал две сотни коек. Свободных не было, на каждой лежал новоиспеченный кандидат на тот свет. Или на этот, в зависимости от наших с Михаилом Назарьевичем скорбных дел. До обеда я знакомился с контингентом – односторонне, разумеется: увидеть меня воочию выпадало немногим, лишь тем, до которых я снисходил, оказывая им немалую честь.

Простите, немилостивцы мои, отвлекся. Положением дел остался я крайне недоволен. Большинство лежащих были уже помечены. Те, что шли на поправку, – Хранителем; те, кому никакое излечение не светило, – моим предшественником. Так вот, последних было меньше, гораздо меньше, значительно.

– Слава богу, – услышал я, когда стукнуло три пополудни. – Уже двое суток ни единого летального случая.

Я обернулся – неказистый кривоногий хирург эдаким экстравагантным образом подбивал клинья к задрапированной в бесформенную хламиду сестре милосердия.

– Вашими молитвами, доктор, – опустила очи долу та.

Я хмыкнул. Молитвами, как же. У нас беспричинно замену не присылают – мой предшественник явно оказался слабаком и сейчас наверняка месил глину где-нибудь на передовой. И поделом ему: пускай вспомнит, каково это, когда через тебя пролетает снаряд. Или, того хуже, насквозь прошивает тебя пулеметной очередью. Это вам не какая-нибудь щекотка – ощущение, поверьте на слово, пренеприятнейшее.

– А вы, Кларисса Андреевна, в воскресенье вечером что подделывать думаете? – не отставал от милосердной сестрицы кривоногий костоправ.

Девушка вздохнула. Вопрос явно задавался не впервые и основательно ей поднадоел.

– Я занята, Григорий Фомич.

– Чем же, позвольте узнать?

Девушка вздохнула вновь, я даже на мгновение посочувствовал ей. Терпеть не могу занудства.

– Я-то? – Сестра милосердия подняла очи горе. – Я, Григорий Фомич, в воскресенье вечером сношаюсь.

– Что? – оторопел бедолага Фомич. – Что вы сказали?

– Вы что же, не слышали? Я сказала «сношаюсь». С вашего позволения – с гвардейским поручиком.

Я едва не заплодировал и вгляделся пристальнее. Сровнялось сестре Клариссе Андреевне лет эдак двадцать пять. Была она хороша лицом и высоколоба, а в карих глазах, клянусь адом, лучилась чертовинка. Остальное под бесформенной хламидой с красным, будь он не ладен, крестом оказалось не разглядеть, но я дал себе слово при первой возможности

посетить служебную сестринскую келью и ознакомиться в подробностях. Признаться, я был порядочно удивлен, если не сказать изумлен: в сестры милосердия обычно отбирали самых что ни на есть закоренелых пуританок и слащавых недотрог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.